

Abstract

In the 18th century, the panegyric was a crucial part of Russian culture. Now it is a kind of special chronicles of the past, vital evidence of real events and people. In 1735, the president of the Petersburg Academy of Sciences I. A. Korff reformed the Academy's Gymnasium. Striving for the new Academy's staff, he meanwhile intended to show Empress Anna Ioannovna of Russia the intermediate results of the reforms of the whole Academy. In February 1736, it might well have caused the panegyric on Anna Ioannovna written on behalf of the Gymnasium either by its inspector T. S. Bayer or by the rector of Latin classes I. E. Fischer; that panegyric was printed then by the Academy. The article not only reveals the historical context of the panegyric, but also offers its Russian translation made by the author of the article and goes into details about the creation of another panegyric, that of 1731, which was expressed in verse by A. Cantemir from a literal translation by Ivan Ilyinsky.

Keywords

Panegyric, reforms, Petersburg Academy of Sciences, Academy's Gymnasium, I. A. Korff, T. S. Bayer, I. E. Fischer, A. Cantemir.

УДК 94

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.02

М. А. Робинсон

**Руководство В. Н. Перетца своими учениками в Киеве
(после его переезда в Петроград)**

Робинсон Михаил Андреевич
Доктор исторических наук, руководитель центра
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: m.a.robinson@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3917-1360

Цитирование

Робинсон М. А. Руководство В. Н. Перетца своими учениками в Киеве (после его переезда в Петроград) // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 279–334. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.02

Статья поступила в редакцию 10.08.2022.

Аннотация

В статье на основании писем В. Н. Перетцу, хранящихся в его архиве, раскрывается характер его отношений с учениками. Интриги политических недоброжелателей не позволили Перетцу перевести часть киевских учеников в Петроград, куда он должен был переехать после избрания в Академию наук. Однако благодаря активной переписке с В. М. Отроковским и Ф. П. Сушицким он продолжал быть в курсе их научной деятельности. Письма учеников дают представление о том, как Перетц продолжал руководить их работой, что советовал или критиковал, как помогал организовать через Отделение русского языка и словесности Академии наук и академика А. А. Шахматова снабжение научной литературой и средствами для командировок. Письма обоих учеников свидетельствуют о том, как ответственно относились они к поручениям учителя, которые в основном были связаны с наблюдением за изданиями в Киеве «Отчетов» о научных экспедициях Семинария. Перетца интересовала и педагогическая работа учеников, тем более что она была связана с женской гимназией и Высшими женскими вечерними курсами А. В. Жекулиной, где он сам преподавал и организовал выпуск двух номеров «Летописи» курсов. Оба его ученика скончались в период Гражданской войны, не успев закончить свои основные научные работы. Перетцу удалось опубликовать окончание диссертации Сушицкого

на Украине. Перевод же работы Отроковского на украинский язык выполнен не был, и публикация ее на Украине оказалась невозможной. Судьба его обширного труда о повести XVII в. «О купце Басарге и сыне его Борзосмысле» остается до настоящего времени неизвестной.

Ключевые слова

Переписка, В. Н. Перетц, В. М. Отроковский, Ф. П. Сушицкий, А. В. Жекулина, Украина.

О перспективе быть избранным в члены Академии наук Перетц узнал еще в конце марта 1913 г. из письма Шахматова, когда тот сообщил, что его кандидатура поддержана Отделением русского языка и словесности¹. 30 ноября Шахматов по поручению ОРЯС обратился к Перетцу с запросом о его согласии баллотироваться. В письме, в частности, было приведено положение штата Академии наук, важное для дальнейшей судьбы как самого Перетца, так и его киевского Семинария русской филологии. Шахматов привел его дословно: «Занимающий штатную должность ординарного академика обязывается проживать в Петербурге и участвовать в заседаниях Академии»².

Перетц одновременно отправил Шахматову 3 декабря два письма, одно официальное с благодарностью, второе личное, в котором ученый поделился проблемами, возникающими с его переездом в Петербург. Он писал: «Но тут-то и начинается для меня своего рода трагедия. Не смейтесь, не шучу. Как может быть ни провинциален мой взгляд, но я чувствую себя глубоко обязанным не покидать моих детей на произвол судьбы. Весной начнут свои магистерские экзамены: Гудзий³, Огиенко⁴, Адрианова⁵, Щеглова⁶, может быть, Бугославский⁷. <...>

1 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 10–10 об.

2 Там же. Л. 11 об.

3 Гудзий Николай Каллиникович (1887–1965) – литературовед, академик АН УССР (1945).

4 Огиенко Иван Иванович (Илларион, митрополит) (1882–1972) – литературовед-славист.

5 Адрианова-Перетц Варвара Павловна (1888–1972) – литературовед, член-корр. АН СССР (1943).

6 Щеглова Софья Алексеевна (1886–1965) – литературовед.

7 Бугославский Сергей Александрович (1888–1945) – музыковед и композитор, доктор искусствоведения.

Дело для меня <...> в том, чтобы исполнить долг перед молодежью, которую я так или иначе вовлек в известное “предприятие”»⁸. Прошло чуть более недели, и Перетц вновь обращается к этой же теме в письме Шахматову. Он писал 12 декабря: «...мне следует пробыть здесь, несмотря ни на что, дабы хоть кто-нибудь из учеников мог при мне закончить магистерские экзамены. Я надеюсь, что начнут в марте Гудзий, Адрианова, может быть, Бугославский, Огиенко, Шевченко⁹, и окончат В. Маслов¹⁰, Грузинский¹¹ и Назаревский¹², уже сдавшие половину. Беда иметь такую семью!»¹³ В этом же письме Перетц с гордостью сообщал о первых научных успехах своих учеников: «Какую интересную работу представил (и получил золотую медаль) о Меркурии Смоленском Белецкий¹⁴ – надо его оставить при Университете. Хорошо написал о Басарге и Отроковский¹⁵ (тоже дали золотую медаль)»¹⁶.

Уже в это время Перетц задумался и о возможном преемнике на кафедре: «Наконец, надо подумать и о заместителе. Если б я ушел, я имел бы в виду Вилинского¹⁷: других нет, а мои молоды. Маслов¹⁸ набирает лекции и о диссертации не печется!»¹⁹ Не оставлял он эту мысль и в начале следующего года, добавив как возможную кандидатуру еще одного профессора Новороссийского университета А. В. Рыстенко²⁰. «Это хоть и правые, – писал Перетц Шахматову 4 февраля 1914 г., – но прямые – как слышно – люди»²¹.

8 *Шахматов А. А. Избранная переписка: в 3 т. / Алексей Александрович Шахматов. Т. 1: Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным / [отв. ред. В. Г. Вовина-Лебедева; авт.-сост. В. Г. Вовина-Лебедева, Е. Н. Груздева, А. Е. Жуков]. СПб., 2018. (Studiorum slavicum orbis; вып. 12). С. 543.*

9 Шевченко Савва Филиппович – в семинаре Перетца с 1907 г.

10 Маслов Василий Иванович (1884–1959) – литературовед.

11 Грузинский Александр Сергеевич (1881–1954) – филолог, палеограф.

12 Назаревский Александр Адрианович (1887–1977) – филолог.

13 *Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 546.*

14 Белецкий Леонид Тимофеевич (1882–1955) – литературовед.

15 Отроковский Владимир Михайлович (1892–1918) – литературовед, поэт.

16 *Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 546.*

17 Вилинский Сергей Григорьевич (1876–1950) – литературовед-славист.

18 Маслов Сергей Иванович (1880–1957) – литературовед и педагог.

19 *Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 543–544.*

20 Рыстенко Александр Васильевич (1880–1915) – филолог-славист, византист.

21 *Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 564.*

О настроениях своих учеников он сообщал Шахматову еще 21 декабря 1913 г.: «Они очень удручены известием о возможности моего ухода из Киева, особенно самая зеленая молодежь, потому что старшие сдадут весной магистерские экзамены и поплывут по течению, а вот Багрий²², Бугославский, Гудзий, Белецкий и Отроковский – останутся без моей помощи». И уже в этом письме Перетц поделился возникшим у него планом: «...я бы просил о прикомандировании этих лиц к Санкт-Петербургскому университету»²³.

Благодаря леволиберальным взглядам в национальном вопросе, Перетц приобрел и в официальных кругах, и среди коллег по университету много недоброжелателей²⁴. И он, и Шахматов опасались за исход голосования кандидатуры Перетца в Общем собрании Академии наук, но оно завершилось благополучно. Оставалось еще окончательное утверждение этих результатов Николаем II. И это заставляло Перетца, с одной стороны, надеяться на положительный исход дела, а с другой – вновь возвращало к беспокойству за дальнейшую судьбу учеников. И 24 февраля он писал Шахматову: «...если мое дело пройдет в высшей инстанции – и я переселюсь в СПб., то я не смогу перетащить сюда моих киевлян!» Ученый сетовал, что не сможет найти для тех, кто решится с ним поехать, дополнительный заработок. В результате: «Поехать могут в Киев²⁵ 1–2 человек»²⁶. К этой же теме Перетц возвращался в письме Шахматову от 12 мая: «Конечно, если б я мог обещать 4–5 “молодцам” приличный заработок, я бы потянул их в Петербург. Но я не умею и своих-то дел устраивать, не говоря о чужих...»²⁷

Стараниями Шахматова к преодолению последней инстанции был подключен сам Президент Академии наук, великий князь Константин Константинович. И «наконец дело разрешилось: высочайший приказ по гражданскому ведомству, утверждающий избрание

22 Багрий Александр Васильевич (1891–1949) – литературовед, библиограф.

23 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 551.

24 См. подробнее: Робинсон М. А. Научная карьера В. Н. Перетца в контексте общественно-политической жизни Киева (от первых лекций в Университете до избрания в Академию наук) // Славянский альманах. 2019. № 3–4. С. 287–328.

25 Описка Перетца, следует читать «в Петербург».

26 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 14.

27 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 580.

в обычные академики ИАН по ОРЯС Владимира Николаевича Перетца, был подписан 14 апреля 1914 г.»²⁸.

Беспокойство о молодых участниках его семинария не оставляло Перетца, и осенью 1914 г. он предпринял попытку добиться их официального перевода в Петроград. Предваряя обращение в министерство народного просвещения, ученый просил поддержки у своих коллег в Петроградском университете. Так, он писал Шляпкину²⁹ 14 октября 1914 г.: «Обращаюсь к Вам по следующему делу: я намерен просить о причислении к Петроградскому Университету некоторых из моих (младших) учеников, уже оставленных там, в Киеве, при Университете и оставшихся без руководителя. <...> Я прошу историко-филологический факультет поддержать мое ходатайство, а Вас – быть представителем моих интересов как руководителя тех молодых людей, о коих прошу. В надежде, что Вы не откажете в поддержке моего ходатайства»³⁰. Заручившись такой поддержкой, ученый обратился с «Докладной запиской»³¹ к министру народного просвещения Л. А. Кассо³². В «записке» Перетц подробно перечислил всех своих учеников, кто уже успешно закончил все магистерские экзамены и кто из них состоит приват-доцентами, отметив также, что «четверо выдержали экзамены по главным предметам и закончат их не позже января 1915 г. (Гудзий, Багрий, Огиенко, Сушицкий³³)». «Таким образом, – отмечал Перетц, – лишь немногие, главным образом самые младшие из моих учеников (Шевченко, Бугославский, Белецкий и Отроковский), не успели пока приступить к магистерским экзаменам; об оставлении последнего из них при Университете Св. Владимира только что возбуждено ходатайство». Но и эти молодые люди «в большей или меньшей степени уже

28 Груздева Е. Н. Избрание в обычные академики В. Н. Перетца (Реконструкция событий по архивным материалам) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 260.

29 Шляпкин Илья Александрович (1858–1918) – литературовед, археограф. 30 РГАЛИ. Ф. 1296. Оп. 1. Д. 65. Л. 17–18.

31 Публикаторы данного документа предполагают датой его создания ноябрь 1914 г.: Alma mater. Университет Св. Володимира напередодні та в добу української революції 1917–1920. Матеріали, документи, спогади / упор. В. Ульяновський, В. Короткий: У 3-х кн. Київ, 2000. Кн. 1. С. 442.

32 Кассо Лев Аристидович (1865–1914) – министр народного просвещения (1910–1914).

33 Сушицкий Феоктист (Теоктист) Петрович (1883–1920) – литературовед.

известны своими научными работами и являются небесполезными, а порою и талантливыми деятелями на поприще разработки вопросов русской филологии»³⁴.

Перетц просил министра разрешить «прикомандирование к Петроградскому университету» части своих учеников. Он отмечал: «Сдавшие уже магистерские экзамены будут под моим руководством готовить диссертации (Багрий, Адрианова, Щеглова), не сдавшие – готовиться к магистерским экзаменам (Отроковский, Бугославский, Белецкий)»³⁵. Просил ученый и о специальных министерских стипендиях для своих учеников.

Перетц информировал министра: «Обо всем вышеизложенном мною было представлено историко-филологическому факультету Петроградского Университета; уведомление господина Декана³⁶ его о неимении препятствий со стороны факультета к осуществлению моего плана – при сем прилагаю»³⁷.

Судя по письму Перетца Э. Л. Радлову³⁸ от 28 ноября 1914 г., реакция министра на его просьбу в записке о переводе из Киева учеников и о стипендиях для них была благожелательной, однако неожиданно ситуация изменилась. Ученый сетовал: «Все это мне Л. А. Кассо обещал, как обещал перевести в Петроград всех поименованных лиц, но после его смерти³⁹ слова его не имеют цены! Товарищи министра обещали, “если будут деньги”»⁴⁰. В киевском университете, куда для согласования была переслана «записка» Перетца, ученого ожидал серьезный удар. Он следующим образом описал в письме Шахматову от 3 декабря возникшую ситуацию: «...оказывается, моя докладная записка, одобренная самим Кассо, не заключавшая в себе ничего обидного ни для кого, вызвала в здешнем факультете целый взрыв ненависти, обиды и ревности самого провинциального свойства: самый факт, что я указал на отсутствие в факультете специалиста по древней литературе, – вместо молчаливого подтверждения вызвал

34 Alma mater. Университет Св. Володимира... С. 442.

35 Там же. С. 442–443.

36 Браун Федор Александрович (1962–1942) – филолог-германист.

37 Alma mater. Университет Св. Володимира... С. 444.

38 Радлов Эрнест Леопольдович (1854–1928) – философ, историк философии, член Ученого комитета Министерства народного просвещения.

39 Кассо скончался 26 ноября 1914 г.

40 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 590.

гнев гг. Флоринского⁴¹, Ардашева⁴² и К°, пусть тогда стипендиаты учатся истории новой литературы, кричали они, или пусть занимаются больше филологией (как будто мы оставляем по одной кафедре с тем, чтобы оставленный занимался – по другой). Вообще – я вижу, что здесь сводят свои счета заочно со мною и, не имея возможности меня уязвить, вымещают свою злобу и зависть на неповинных стипендиатах»⁴³. В следующем письме, 8 декабря, Перетц сообщал Шахматову дополнительные подробности действий недоброжелателей: «Вечером сегодня на курсах мне говорил один из профессоров, что Флоринский, когда обсуждалась в факультете моя записка о переводе части оставленных при Университете в Петроград, ругался отчаянно и угрожал написать донос на меня в министерство»⁴⁴.

Упомянутые в письме Высшие вечерние женские курсы А. И. Жекулиной⁴⁵ были еще одним важным полем научно-педагогической деятельности Перетца в Киеве. Об этом он писал Шахматову 15 апреля 1914 г.: «Сегодня сдал в типографию материал: устраиваю еще один научный журнал – “Летопись Вечерних Высших женских курсов, учр[ежденных] А. Жекулиной”. (Прошу не смешивать с Высшими киевскими женскими курсами, где подвизаются Малинины⁴⁶, Флоринские и К°.) Есть работы и у курсисток – не гениальные, но трудолюбиво и полезно составлены»⁴⁷. Буквально через неделю, 23 апреля, Перетц возвращается к той же важной для него теме: «Работаю много, но судорожно. Затеял “Летописи (Annales) Вечерних высших курсов”, где я преподаю, вожусь с типографией, авторами и пр[очее]»⁴⁸. Приехав в начале зимы уже из Петрограда в Киев, Перетц вновь занимается делами курсов Жекулиной. Он был явно недоволен работой

41 Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919) – историк-славист, филолог, член Киевского клуба русских националистов.

42 Ардашев Павел Николаевич (1865–1924) – историк, публицист, член Всероссийского национального союза.

43 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 589–590.

44 Там же. С. 591.

45 Жекулина Аделаида Владимировна (1866–1950) – педагог и общественный деятель. Основала в Киеве частную женскую гимназию, а затем и Вечерние высшие женские курсы.

46 Малинин Василий Николаевич (1849–?) – литературовед и педагог, профессор Киевской духовной академии.

47 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 571.

48 Там же. С. 574.

издательства и с нескрываемым раздражением писал Шахматову 24 декабря 1914 г.: «В первых числах января надеюсь отпечатать вторую книгу “Летописи Вечерних В. Ж. Курсов” и 3 листа своей книги о комедиях при Анне Иоанновне⁴⁹. Но все это приходится делать под аккомпанемент брани: типография вялая, люди сонные!»⁵⁰

А сразу по приезде в Киев Перетц в первую очередь ждал отчета от своих учеников. «Сегодня, – писал он Шахматову 3 декабря, – соберутся ко мне мои хлопцы, послушаю, что они написали за эти три месяца...»⁵¹. Нежелание университетских коллег пойти навстречу предложению Перетца было оформлено 5 декабря. В министерство было направлено «Заключение Историко-филологического факультета», в котором сообщалось, что факультет «большинством 6 голосов против 4 пришел к заключению, что изложенное в записке академика Перетца ходатайство о прикомандировании 6 лиц, готовящихся к профессорскому званию, к Петроградскому Университету, выдержавших магистерские испытания (Багрия, Адрианову, Щеглову) для работы над магистерскими диссертациями, не сдавших же означенных испытаний (Отроковского, Бугославского, Белецкого) для приготовления к сим испытаниям, не подлежит удовлетворению, так как надобности в такой командировке не встречается. Факультет питает надежду, что и при его наличных силах означенные выше 6 молодых людей получат надлежащее руководство»⁵². Очевидно, министерство было вполне удовлетворено таким ответом.

Покидая Киевский университет, Перетц остро переживал и за судьбу своих учеников, и за ситуацию, возникшую после перевода летом 1915 г. университета из Киева в Саратов, вызванного положением на фронте. О том, что случилось в результате этого переезда, Перетцу писали из Саратова коллеги, а он, в свою очередь, информировал Шахматова. В письме от 22 декабря 1915 г. Перетц приводил и яркие цитаты из своей переписки: «Что пишут из Саратова – читать больно. Вот Вам выдержки из письма, рисующего быт Киевского университета на новых местах. “Приват-доцентов и стипендиатов бросили при эвакуации, как ненужные вещи, о них даже не вспомнили” (действительно,

49 Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Иоанновны в 1733–1735 гг. Тексты / сост. В. Н. Перетц. Пг.; Киев, 1917.

50 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 595.

51 Там же. С. 590.

52 Alma mater. Університет Св. Володимира... С. 444.

большинство осталось в Киеве, хотя там нет ни книг, ни руководителей). <...> “Оставшиеся в Киеве приват-доценты и стипендиаты в отчаянии: ведь они совершенно лишены возможности работать... Грустнее всего, что университетская (киевская) библиотека будет функционировать не раньше, как через 2–3 года, так как книги будут разбирать лишь тогда, когда будет готово новое здание библиотеки. Счастливы те, кто вовремя разделался с Киевом”. Просто сердце болит, читая обо всем этом! Но – увы, ничем не придумаю помочь: здесь в Питере нет возможности помочь: не говоря уже о Курсах, даже в гимназиях мест нет, да и не будет, ибо тут царит принцип “хоть хлам, да наш”»⁵³.

И все-таки Перетца не оставляла мысль как-то поспособствовать молодым киевским филологам, подключить их к какому-нибудь академическому проекту. «Где же тут думать о киевской молодежи. Как с нею устроиться, – задавался вопросом ученый, – и придумать не могу. “Библиография”⁵⁴ дает гроши (разделить на наличных 5 сотрудников ассигнованные нынче 2000 руб. – что же получится; а если их будет более?!). Хорошо бы привлечь молодых языковедов: Ларина⁵⁵ и Калиновича⁵⁶, пожалуй, и Баранникова⁵⁷ – они, особенно первые 2, запрошены хорошо: знают санскритский, зендский, готский, литовский, латынь, греческий, славянские языки. Вот бы Вам их приспособить!! Жду их в том полугодии. Они-то совсем теперь без пастыря – языковедов нет ни в Саратове, ни в Киеве!»⁵⁸

Особенно огорчали Перетца известия о том, как обстоят дела с преподаванием на его бывшей кафедре, и что на его месте в университете оказался совсем не тот человек, которого он хотел бы видеть учителем и воспитателем будущих ученых. Выбор Киевского университета остановился на кандидатуре Н. К. Грунского⁵⁹. Его деятельность в университете Перетц характеризовал в том же письме

53 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 624.

54 «Толковая библиография по истории древнерусской литературы» – проект ОРЯС.

55 Ларин Борис Александрович (1893–1964) – лингвист, член-корреспондент АН УССР (1945), академик АН Литовской ССР (1949).

56 Калинович Михаил Яковлевич (1888–1949) – литературовед и переводчик, академик АН УССР (1939).

57 Баранников Алексей Петрович (1890–1952) – филолог и индолог, академик АН СССР (1939).

58 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 625.

59 Грунский Николай Кузьмич (1872–1951) – лингвист.

Шахматову словами одного из коллег: «...г-н Грунский (мой премьер) совершенно откровенно сказал студентам, что он ничего не понимает в русской литературе (и его-то пригласили на кафедру этой литературы!), чем очень понравился (sic!) студентам. Они с ним в дружественных отношениях, называют даже “college Грунский”... Тем не менее он объявил курс по несчастному “Слову о полку Игореве”. На лекциях по русскому языку разругал курс (лиитографированный) С. И. Маслова, сказав, что это компиляция (а сам-то Грунский “оригинальный” автор!), что там много “шахматовщины”; советовал студентам не увлекаться “этими глупостями” (хорош Гусь!), советовал выучить те достоверные факты, которые излагаются в его курсе. Какой он нахал...» «Андрюша (Лобода)⁶⁰ читает курс методологии по Вашему (т. е. моему) изданию. Возьмется, говорят, и за древнюю литературу. Атмосфера в Саратове тяжелая...»⁶¹

Итак, перевести учеников в Петроград не удалось, но это отнюдь не помешало тесной их связи с учителем. Перетц не только активно продолжал хлопотать о материальной поддержке, в основном при помощи Шахматова через Отделение русского языка и словесности, но и внимательно следил за продвижением научной работы учеников. Те, в свою очередь, сообщали об успехах и проблемах. Кроме того, он поручал им дела, связанные с изданием в Киеве трудов Семинария. Судя по сохранившейся переписке, Перетц особо доверял эти непростые в условиях военного времени дела Отроковскому и Сушицкому.

Подробно о состоянии своих дел писал Перетцу Отроковский. Так, 11 октября 1915 г. он сообщал: «На прошлой неделе отослал в Саратов свой стипендиарный отчет, подведя, т[аким] о[бразом], итоги года. Конечно, за этот год занятия мои не были производительны настолько, чтобы удовлетворить мою совесть. Но я стал опытнее и, кажется, – крепче, и новый учебный сезон должен возместить все убытки». Писал он и о дальнейших своих планах: «До лета в Киеве я постараюсь закончить все возможное по специальным вопросам, а лето – если продлят мне стипендию на 1916 г. – я думаю прожить в Петрограде, чтобы найти недостающее и запастись новыми материалами»⁶². Это же письмо свидетельствует и о том, что Отроковский с нетерпением ждал от учителя оценки своей работы. «Вы пишете, Владимир

60 Лобода Андрей Митрофанович (1871–1931) – литературовед, академик ВУАН (1922), член-корр. РАН (1924).

61 Шахматов А. А. Избранная переписка... С. 624.

62 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 3–3 об.

Николаевич, что прочли часть моей статьи, но своих замечаний не высказали вовсе, – сетовал Отроковский. – А мне Ваше мнение важно и дорого. Ведь я – из Вашей школы, а прежде чем стать самостоятельным исследователем, надо безупречно усвоить школу, которая, как и всякая система, дает основные начала». Речь идет о работе Отроковского о Тарасии Земке, церковном деятеле XVII в., поэте, музыковед и типографе, одном из первых ректоров Киево-Могилянской коллегии, которую молодой ученый готовил к печати. В этом же письме он сетовал: «С отъездом университета – Киев опустел, одни разъехались, другие – и не приезжали»⁶³.

Через месяц, 14 ноября, Отроковский уточнял свои планы: «Ввиду недостатка книг я отказался от планомерного выполнения стипендиатской программы – до поры до времени; занимаюсь теперь усвоением статей и книг, имеющихся под рукою; вероятно, скоро начну изучать ц[ерковно]сл[авянский] и рус[ский] языки, прибегну к помощи Ильинского⁶⁴. Думаю, что он не откажется снабдить меня книгами»⁶⁵. Г. А. Ильинский, относивший себя к первым слушателям лекций Перетца⁶⁶, был в это время уже профессором Харьковского университета и одновременно читал лекции на Высших женских курсах в Киеве. Интересовался Отроковский и другими возможностями получить нужную литературу. В связи с этим спрашивал у учителя совета: «В давнишней открытке я просил Вас, Владимир Николаевич, сообщить мне: можно ли и уместно ли будет мне и Б. А. Ларину попросить кой-какие книги Академии наук... Если можно, то когда это лучше всего сделать?»⁶⁷ За прошедший с предыдущего письма месяц обстановка в Киеве не изменилась. «Здесь – пустынно, – писал Отроковский, – всякое оживление вплоть до сплетен – исчезло. Одна А. В. Жекулина – Жанна д'Арк XX столетия – точно в доспехах – ведет целый ряд благотворительных и просветительных предприятий»⁶⁸.

В письме от 22 ноября Отроковский докладывал Перетцу о том, как продвигалась его работа по подготовке издания: «Статью

63 Там же. Л. 3 об.

64 Ильинский Григорий Андреевич (1876–1937) – лингвист-славист, член-корреспондент Академии наук (1921).

65 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 4.

66 Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. Участники Семинария – своему руководителю. Л., 1929. С. 34.

67 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 4.

68 Там же. Л. 4 об.

о Т. Земке я получил и отослал корректуру седьмого листа, с которого идет печатанье приложений». Кроме этого Отроковский сообщал, что, «не зная адреса Варвары Павловны⁶⁹ и Софьи Алексеевны⁷⁰», просит учителя передать им одну из своих статей. «Без сомнения, – писал он, – они не забывают Вас, и при случае экземпляры попадут по назначению, а Вы, Владимир Николаевич, надеюсь, на меня не рассердитесь»⁷¹.

Отроковский не только продолжал работать над начатыми ранее темами, но и предлагал учителю оценить и свои новые статьи. Так, оправдываясь за более чем двухмесячное молчание, он сообщал 2 февраля 1916 г.: «...я собирался писать Вам, – но все откладывал, чтобы хоть чем-нибудь доказать Вам свое стремление быть одним из тех (Ваших) “лампадофоров”⁷² – о которых некогда говорил А. П. Сони⁷³». Сони использовал этот древнегреческий термин для характеристики учеников Перетца. «Т[о] е[сть] я дожидался срока, – продолжал Отроковский, – когда закончу маленькую статейку (сестру другой, еще не готовой), чтобы послать ее Вам как плод еле возможной научной работы в Киеве, где подчас подлинно – надо учинять сыск книгам. Статьека, которую Вы от меня получите, посвящена маленькому вопросу, но, кажется, выполнена тщательно, по методу Вашей школы»⁷⁴. Он выражал надежду на то, что учитель сможет поспособствовать устройству ее в печать. Отроковский отметил и особенность своей работы: «...а моя заметка к тому же представляет полурецензию на статью⁷⁵ Н. П. Попова⁷⁶ (Известия, т. XVIII, кн. 1-я, с. 173–196)»⁷⁷.

Отмечал Отроковский и то, что преподавание в гимназии Жекулиной не так отвлекает его от собственно научной работы. «Несмотря

69 Адрианова-Перетц Варвара Павловна.

70 Щеглова Софья Алексеевна.

71 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 5.

72 Лампадофор (греч., от *lampas* – лампа, и *pherein* – нести). В древней Греции – человек, несший лампу во время священнодействия или факел на лампадодромиях.

73 Сони Адольф Израилевич (1861–1922) – филолог-классик, профессор Киевского университета.

74 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 12.

75 Попов Н. П. Иосифово Сказание об ереси жидовствующих по спискам Великих Миней // Известия ОРЯС. 1913. Т. XVIII. Кн. 1. С. 173–197.

76 Попов Николай Петрович (1864–1938) – ученый-археолог, заведующий Московской Синодальной (Патриаршей) библиотекой.

77 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 12–12 об.

на одинаковое число уроков в гимназии, – писал он, – я занимаюсь теперь гораздо успешнее прошлогоднего, т[ак] к[ак] подготовка к урокам берет минимум времени». Он также вновь выражал надежду: «С окончанием занятий в гимназии я думаю, как я уже писал Вам, отправиться в Петроград для усиленного осуществления магистерской программы, и отчасти, м[ожет] б[ыть], и за сбором материалов»⁷⁸. И вновь Отроковский возвращался к судьбе запроса о возможности получить книги от ОРЯС: «Еще Вам наскучу делом: в декабре я и Ларин послали в Академию наук прошения о книгах. Не знаете ли Вы – удовлетворили ли наши ходатайства как-нибудь или нет? Если – да, то, вероятно, мы должны благодарить за это, гл[авным] обр[азом], Вас».

Очевидно, что Перетц выполнил просьбу ученика передать его статьи Адриановой и Щегловой, так как последовала ответная реакция. «В заключение, – писал Отроковский, – позвольте через Вас поблагодарить Варвару Павловну за подаренные брошюры (С. А. Щеглова – передала их) и послать свой поклон ей, а также всем нашим добрым общим знакомым»⁷⁹.

Из письма следует, что Отроковский обратился к новой для него теме – к событиям конца XV в., ереси жидовствующих. Перетц решил не ограничиваться собственными замечаниями к этой статье и поступить с ней по сложившейся в его Семинарии традиции, о чем Отроковскому написал его товарищ. К такому обороту дела сам молодой ученый отнесся с энтузиазмом. «М. Драй⁸⁰ писал мне, – сообщал Отроковский Перетцу 23 февраля 1916 г., – что моя статейка попала в колесо традиционной “среды”. Я рад сохранить связь с Вашим Семинарием в таком реальном виде и охотно жду, что скажут мне мои рецензенты, которым шлю сердечные поклоны»⁸¹. При этом он добавлял: «Если Вы думаете, что я бездельничаю, то Вы далеки от истины»⁸².

Обсуждение работы Отроковского состоялось, по-видимому, в среду 17 февраля. В начале марта он получил замечания от членов Семинария, о чем и писал 7 марта Перетцу: «Статью свою получил, на этой неделе я ее исправлю и верну Вам в обновленном виде»⁸³.

78 Там же Л. 12 об.

79 Там же. Л. 13.

80 Драй-Хмара Михаил Афанасьевич (1889–1939) – поэт-неоклассик, филолог-славист.

81 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 14 об.

82 Там же. Л. 15.

83 Там же. Л. 7.

В марте Отроковский получил информацию, которая его и взволновала, и обнадежила. Он спрашивал учителя 17 марта: «Между прочим, С. Ф. Ш[евчен]ко передал мне слова А. М. Лободы, будто я причислен или прикомандирован к Петрогр[адскому] Ун[иверсите]ту. Ходатайства об этом с моей стороны не было. Не можете ли Вы, Владимир Николаевич, объяснить мне, где источник “информации”, переданной через С. Ф. Ш[евченко]о?»⁸⁴ Данное предположение оказалось всего лишь неподтвержденным слухом.

Работа по ответу на замечания коллег потребовала большего времени, только через две недели Отроковский подготовил новый вариант статьи и дал развернутый ответ оппонентам. Из ответа следует, что сделанные ими замечания не смогли заставить его отказаться от принципиальных для него положений статьи. Обо всем этом Отроковский сообщал учителю в письме от 21 марта: «Снова посылаю Вам свою статью в переработанном виде. Замечания рецензентов оказались мне полезными, и мой текст выиграл в ясности и точности изложения, в упругости фактических данных. К возражениям, поставленным мне, отнесся вполне добросовестно и без пристрастия. Если Вы найдете терпение прочесть мою заметку еще раз, то увидите, что она была возвращена мне не напрасно. Ее внешность достаточно ясно показывает, из каких пулеметов она была обстреляна. Что же касается того, что я остался при прежнем убеждении относительно авторства м[итрополита] Зосимы⁸⁵, то здесь мною руководило отнюдь не упорство, доказательством чему служит последнее примечание (55-е) моей статьи. Я всегда готов изменить свой взгляд, если к тому принуждают фактические данные, но в этом вопросе они слишком проблематичны. Вместе с заметкой отсылаю Вам и указания рецензентов с краткими моими возражениями. Рецензенты мне помогли, и я им благодарен, но все-таки они во многом не правы, подобно тому, как я был недостаточно ясен и точен»⁸⁶.

Через неделю, 28 марта, – новое письмо Отроковского Перетцу. За прошедшее между письмами время молодой ученый получил еще одну рецензию. На этот раз ее автором был не один из членов Семинария, а известный ученый, избранный, кстати, в конце того же

84 Там же. Л. 8.

85 Митрополит Зосима Брадатый (?–1496) – митрополит Московский и всея Руси (1490–1494). У церковных историков XIX в. имел репутацию тайного приверженца ереси жидовствующих.

86 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 18–18 об.

года академиком, Н. К. Никольский⁸⁷. Нет сомнений в том, что этот отзыв организовал сам Перетц, дабы указать ученику на поспешность и недостаточную обоснованность его предположений.

Эти новые возражения заставили Отроковского критически отнестись к собственному сочинению. При этом он оставлял за собой право еще побороться за гипотезу об авторстве митрополита Зосимы. «Я согласен, – писал он, – лишь окажется время, прочесть необходимые мне работы по церковной истории и археологии. Новые возражения по поводу моей злополучной статьи (2-е Н. К. Никольского) представили и новый историко-литературный мотив: коллективное творчество митрополичьих грамот, посланий и т. п. Это коллективное (соборное) начало не открывалось для меня в прежних возражениях о канцелярском происхождении памятника; не отождествляется с этим термином и теперь. Коллективное создание соборного поучения в Комиссии епископов, архимандритов и т. д. во главе с митрополитом – в таком процессе носит вполне правдоподобный характер, и когда я найду (в работах, которые собираюсь прочесть!) соответствующее историческое указание, тогда я охотно еще раз переделаю свою статью в данном направлении. Замечу попутно, что ссылка на “Стоглав”⁸⁸ – только косвенное доказательство, ибо “Стоглав” – памятник законодательный, опирающийся на обширные материалы – вещь обыденная»⁸⁹.

Он был вынужден признаться: «Т[аким] о[бразом], дело не столько в моем упорстве, а поистине в неосведомленности, которой основательно не смогли развеять мои первые рецензенты». Можно предположить, что Никольский подверг сочинение Отроковского достаточно жесткой критике, которая задела чувства автора. Он писал: «При том же я держусь взгляда, что недостаток фактов в руках исследователя и даже незнание их, если они в значительной мере специальные, не должны причинять ущерба личному самолюбию, высокую степень которого в себе не отрицаю». «Поэтому, – продолжал Отроковский, – прошу Вас, Владимир Николаевич, прислать мне статью еще раз. Сейчас у меня нет ни времени, ни охоты перекраивать ее заново. Но, быть может, придет “час определенный”⁹⁰ – воскресить ее перемытые кости»⁹¹.

87 Никольский Николай Константинович (1863–1936) – историк-славист, археограф, академик (1916).

88 Стоглав – сборник решений Стоглавого собора 1551 г.

89 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 19–19 об.

90 «Приходит час определенный» («Евгений Онегин»).

91 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 19 об.

В письме чувствуется и некоторая обида на слова учителя, которые Отроковский приводит в письме: «На одно только пожалуюсь, – что Вы не всегда внимательны к моим словам, так, Вы пишете: “Сравнивая Ваши возраж[ения] Щегл[овой] и Багрию – вижу, что вы порою одного «побиваете» другим, но при сем и сами впадаете в противоречие с собою. Это – избыток полемического жара!»». И все же молодой ученый был вынужден признать: «М[ожет] б[ыть], полемического жара во мне бывает и не в меру...»⁹². «Но сейчас, – продолжал Отроковский, – чувствую себя усталым, страдая от денежного стеснения и от неопределенности жребия... Где я – в Петрограде? В Киеве? – в воздухе?»⁹³

Статья Отроковского так и не была им доработана и опубликована. Не сохранились и материалы, связанные с ее обсуждением, поэтому все немногое, что нам известно о ее научной проблематике, содержится в приведенной переписке. Эти письма Отроковского Перетцу демонстрируют, с каким вниманием тот относился к исследованиям учеников, организовывал их обсуждение на заседаниях Семинария и внимательно следил за развернувшейся между ними дискуссией, анализируя аргументацию сторон.

Заочное общение с учителем не удовлетворяло Отроковского. Он строил планы выбраться в Петроград. «Последний этап занятий в гимназии будет для меня тяжелым, – писал он Перетцу 18 апреля, – мне Ларин передал своих 10 уроков. Моя выгода – в лишних полутора рублях, которые отвезут меня в Петроград (стипендия – улита – когда-то будет!). Сообщите мне, Владимир Николаевич, до какого срока Вы останетесь в Петрограде, застану ли я Вас там? Потом еще: как говорят, можно будет летом пользоваться библиотеками Петрограда?»⁹⁴ Очевидно, что Перетц ответил ученику и сообщил о своих планах. Поэтому 5 мая Отроковский выражал надежду на скорейшую встречу: «Коль скоро Вы уезжаете на юг в Ворзель⁹⁵ – я рад был бы здесь встретиться с Вами, получить от Вас уроки мудрого ободрения, в котором я нуждаюсь». К тому же отмечал Отроковский, «провести лето в городе с хорошей университетской библиотекой – моя теперешняя мечта. Если Ларин мне напишет, что в Петрограде возможно наладить занятия, я не премину использовать свои каникулы

92 Там же. Л. 19 об.–20.

93 Там же. Л. 20 об.

94 Там же. Л. 11.

95 Ворзель – городок рядом с Киевом, в настоящее время курорт.

“в столичной пыли”...»⁹⁶ Как видно из этого письма, Перетц не только гордился работами новых участников уже его петроградского Семинария, но помнил и о научных интересах киевских. «Я получил брошюру “Курбский и переводы из Цицерона” от Балухатого⁹⁷, – писал Отроковский, – очевидно, по Вашему указанию. Спасибо за память, при этом благодарю и за ранее присланную библиографическую справку к повести о Басарге...»⁹⁸ Присланная Перетцу брошюра⁹⁹ была первой печатной работой С. Д. Балухатого.

Позаниматься в петроградских библиотеках летом у Отроковского не получилось, но в Киеве он не остался. В письме от 29 августа он сообщал Перетцу: «...совестно, что за минувшие три месяца пишу Вам впервые. Поскольку Вы узнаете про мое лето, Вы не очень посердитесь на меня. С 1 июля по 1 августа я прожил келейно в Нежине, упорно готовясь к экзаменам по литературе, подгоняя все недочеты киевского безвременья»¹⁰⁰. Отроковский особо отмечал, что ничто не отвлекало его: «Мое одиночество тем явнее, что нет со мною даже друзей: Ларин и Цикаловский в Петрограде». Он сообщал также, что готов «в конце октября начать экзамены»¹⁰¹.

Перетц интересовался, как обстоят дела у его киевских учеников, не только у них самих, но и у своего коллеги по Киевскому университету А. М. Лободы, который мог следить за своевременным прохождением обязательных для стипендиатов процедур, необходимых при подготовке к защите диссертации. Так, осенью 1916 г. Лобода сообщал Перетцу: «Отроковский начинает магистерские экзамены, думаю, что у него они пройдут гладко»¹⁰².

Отроковский сдал первый экзамен, о результатах которого с гордостью писал учителю 31 октября: «Я долго не писал Вам,

96 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 21.

97 Балухатый Сергей Дмитриевич (1893–1945) – литературовед, библиограф, член-корр. АН СССР (1943).

98 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 22.

99 Переводы кн. Курбского, и Цицерон / С. Д. Балухатый; (Из филोल. семинария акад. В. Н. Перетца) / Отт. из журн. «Гермес». № 5–6, 1916 г. Пг., 1916.

100 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 23.

101 Там же. 23 об.

102 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 46. Л. 24. А. М. Лобода практически никогда не датировал свои письма. Датировка иногда устанавливается по почтовому штемпелю или по отметкам о получении, сделанным Перетцем.

с некоторым напряжением отдавшись подготовке к экзамену. Наконец, теперь уже “литература” сдана. Ответом моим остались довольны. Но гораздо лучше то в моем успехе, что я сам им доволен. Предлагал вопросы один лишь А. М. Лобода, и для моего пущего блеска вмешался Довнар-Запольский¹⁰³ с вопросом о Степенной книге¹⁰⁴, об авторе которой я мог высказать даже кое-какие личные предположения». «Теперь, – продолжал он, – по одному паломничеству к Грунскому и Лукьяненко¹⁰⁵, и я возьмусь за “языки”. А мечты о будущем я держу покуда под замком: “довлеет дневи”¹⁰⁶»¹⁰⁷.

Лобода с удовлетворением подтвердил успех Отроковского в ноябре в письме Перетцу: «Начал держать экзамены Отроковский, русскую литературу сдал прекрасно; отчет его тоже очень хорош. Я его несколько торопил с экзаменом, потому что в нашем Университете вносят все больше и больше формализма в отношения к стипендиатам»¹⁰⁸.

Даже успешная сдача экзамена не изменила оценку Отроковским положения в научной жизни Киева. Письма друзей из Петрограда давали ему материал для сравнения. В том же письме он благодарил Перетца: «Ф. П. Сушицкий передал мне от Вашего имени брошюру об Акире¹⁰⁹. Спасибо за память и за дар». И особо отмечал: «О столичном пульсе мне пишут Боря Ларин и Миша Драй¹¹⁰. <...> Передайте от меня привет петроградцам из Киева: fama и gloria¹¹¹ их доносятся слабыми звуками до Золотых ворот». «А здесь, – продолжал Отроковский, – как всегда – суется захолустно. За эту осень мы раза два собирались – с маленькими докладами и разговорами – в воспоминание Ваших “сред”»¹¹².

103 Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934) – историк, этнограф, фольклорист.

104 «Степенная книга» – памятник русской исторической литературы XVI в.

105 Лукьяненко Александр Митрофанович (1879–1974) – филолог, лингвист.

106 «довлеет дневи злоба его» (Мф 6:34) – «каждому дню достаточно своих забот».

107 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 25–25 об.

108 Там же. Д. 46. Л. 13 об.

109 Перетц В. Н. К истории текста «Повести об Акире Премудром» // ИОРЯС. 1916. Т. XXI. Кн. 1. С. 262–278.

110 Все трое учеников Перетца, Отроковский, Ларин и Драй-Хмара, были близкими друзьями, Отроковский был даже свидетелем («бойрином») на свадьбе Драй-Хмары.

111 fama и gloria – на латыни оба слова имеют значение «слава».

112 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 26.

С таким же настроением Отроковский встретил и 1917 год. Так, 24 февраля он объяснял учителю свое долгое молчание: «Давно не писал Вам, но тусклыми были минувшие месяцы. Лишь понемногу выбираюсь я к ровной и торопливой работе. Занимаюсь я теперь русским и ц[ерковно]сл[авянским] языками, а когда продолжу экзамен, не знаю, хотел бы в мае. Пусто в Киеве, а в научной жизни – мы подобны псам, подбирающим крохи от столичных трапез»¹¹³.

Несколько развеял такую унылую атмосферу гость из Петрограда. «Старый друг мой – Ларин, – писал Отроковский, – за два дня – проездом – заразил меня немного душевной лихорадкой – и я, как могу, сохраняю эту закваску! Тут – иди за свой страх, никому до тебя дела нет. “Вольность” – хорошая вещь; точно ларец всевозможных драгоценных прав... Но иногда просто морально нужно – для части этих прав найти хороший и верный банк»¹¹⁴. При этом он подчеркивал, что внешне положение молодых ученых может выглядеть и вполне благополучно. «Так, – писал он, – извне – стипендиаты здесь не на худом положении: живут беспрепятственно. Даже в честь попали: приемными детьми к старику Нестору¹¹⁵ записаны»¹¹⁶.

Поделился Отроковский с учителем и своими замечаниями к одному из докладов: «Я был на нескольких заседаниях; Клингер¹¹⁷ прочел несколько обширных глав из будущей диссертации – о связях бытового обряда (в частности, поминального) европейских народов с обрядами античными. Задача любопытная, но в исследовании царит обычный в таких случаях этнографический статистический метод, ускользающий от анализа и оттого часто спорный в выводах»¹¹⁸. И вновь мечты оказаться в близкой для него научной среде: «Я представляю, как кипит у Вас в Петрограде, и жду, чтобы окончить здесь свои экзамены. Тогда можно будет помечтать о кочевье на север»¹¹⁹.

О том, что Перетц уже интересовался делами Отроковского у Ларина, посетившего Киев, свидетельствует и это письмо: «Ларин

113 Там же. Л. 16.

114 Там же. Л. 16–16 об.

115 Киевское общество Нестора-летописца.

116 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 16 об.

117 Клингер Витольд Павлович (1875–1962) – польский филолог-классик, этнограф.

118 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 16 об.–17.

119 Там же. Л. 17.

мне писал о разговоре с Вами обо мне. Спасибо за добрую память! Поклон петроградским товарищам»¹²⁰.

Важной научной работой, подготовка которой к печати постепенно продвигалась, было уже упоминавшееся издание, посвященное Тарасию Земке. Ее публикация намечалась в очередном выпуске Сборника Отделения русского языка и словесности. Предполагалось, что Сборник может увидеть свет в 1917 г., поэтому Отроковский обратился к П. К. Симони¹²¹, делопроизводителю (ученому секретарю) ОРЯС. «Дело в том, – писал Отроковский 28 февраля 1917 г., – что статья о Т. Земке явилась плодом моих занятий в Семинарии В. Н. Перетца, и мне было бы приятно посвятить ее Владимиру Николаевичу, тем более что в текущем году исполняется и 25-летие научной деятельности В. Н. Поэтому, если еще возможно, то я покорнейше просил бы, чтобы – хоть на выходном листе кроме заглавия (или на обороте листа) – было напечатано. “Посвящается В. Н. Перетцу”. Если бы это не удалось сделать для сборника, то, м[ожет] б[ыть], не было бы невыполнимо для отдельных оттисков – на особой страничке вслед за выходным листом, что я охотно принял бы в свой счет, как расход непредусмотренный»¹²².

С запланированным продолжением сдачи экзаменов Отроковского не сложилось, о чем он сообщал Перетцу 14 мая: «Экзамена магистерского, в мае – я не продолжаю: не готов. Думаю наверстать летом. Тут и работа не шла, да и библиотека слишком скудно доится. Из Киева – скоро (17-го) уезжаю – и жаль, что не увижусь с Вами (от А. М. Лободы знаю, что Вы собираетесь быть здесь)»¹²³. По-видимому, это сообщение не порадовало Перетца, и в письме от 2 июня Отроковский постарался оправдаться: «Сам я тоже был угнетен пред необходимостью отложить экзамен до осени. Но так мало было сделано за весенние месяцы, что отсрочка оказалась неизбежной. Вот и теперь я сижу в захолустном городишке на Днестре¹²⁴ (на меже с молдаванами) и усиленно глотаю немецкие страницы, которые похожи на сухую кашу. Сразу за двумя зайцами: натерелось в ц[ерковно]слав[янском] и беглое чтение немецкой лингвистической усидчивости. А язык

120 Там же. Л. 17 об.

121 Симони Павел Константинович (1859–1939) – филолог-славист, книговед. Член-корр. Академии наук (1921).

122 РГАЛИ. Ф. 461. Оп. 1. Д. 172. Л. 1–1 об.

123 Там же. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 27 об.

124 Отроковский жил в г. Ямполь на берегу Днестра.

немецкий – позабыл я основательно. На досуге – уподобясь пресловутому Цинциннату¹²⁵ – взрыхляю, выпалываю грядки, сажаю редиску и ухаживаю за ней»¹²⁶.

Отроковскому не пришлось увидеть свой труд изданным. Он появился только в 1921 г.¹²⁷ с предисловием Перетца. «Эта работа о Тарасии Земке, – писал ученый, – вышедшая из моего филологического Семинария, принадлежит перу молодого талантливого автора, безвременно скончавшегося в Киеве во время эпидемии сыпного тифа, в 1918 г. Она была написана в 1915 г., а осенью 1917-го мною уже были подписаны к печати последние ее листы»¹²⁸.

В отличие от стипендиата Отроковского, готовившегося к сдаче магистерских экзаменов, Сушицкий в 1915 г. уже стал доцентом Киевского университета. Для дальнейшей работы над диссертацией и другими проектами, связанными с ее подготовкой, он нуждался в советах Перетца, которые особо ценил и на которые очень рассчитывал. Он прямо об этом писал 23 октября 1915 г.: «...я позволю себе обратиться к Вам с рядом накопившихся у меня вопросов, ответы на которые и просил бы у Вас, на прежних Ваших правах *magistri*¹²⁹». «Во-первых, – продолжал Сушицкий, – в целях выяснения для себя фона историко-литературного для моей работы о “Зап[адно] русских летописях и южнорусских хрониках”, т. е. на протяжении XIII–XVII вв., ввиду отсутствия под руками всех вывезенных из Киева книгохранилищ, как и унив[ерситетской] библиотеки, в качестве подготовительной для себя и две других работы я задумал составить “обзор зап[адно]рус[ских] и южнорус[ских] памятников др[евне]рус[ской] литературы” наподобие Владимирова¹³⁰, в дополнение к нему в его пределах, с XI–XVI+XVII (а м[ожет] б[ыть], и XVIII?, хотя

125 Луций Квинций Цинциннат (около 519 до н. э. – 430-е до н. э.) – римский патриций времен Республики, считался образцом простоты и добродетели, жил скромно, занимаясь земледелием на своей небольшой вилле.

126 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 29–29 об.

127 *Отроковский В. М.* Тарасий Земка. Южнорусский литературный деятель XVII века // Сборник ОРЯС. Т. XCVI. № 2. Пг., 1921. 122 с.

128 *Перетц В. Н.* Предисловие // Отроковский В. М. Тарасий Земка... С. III.

129 *Magistri* – учителя.

130 Владимирова Петр Владимирович (1854–1902) – специалист по восточнославянской книжности, профессор Киевского университета. Имеется в виду его книга: Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст. Киев, 1890.

бы более ценное, литературное из 18 в.?)». Просил Сушицкий и советов по теме диссертации и перечислял круг источников, которые собирался привлечь к работе над «обзором»: «Пользуюсь описаниями рукописей, своими, книгами проф. Ильинского и коллег по Семинарию. Обираю и Ваши “Новые труды по источниковедению”¹³¹, как Гоголь песни Максимовича¹³². Разрешите ли? Конечно, при каждом № ссылка на эти “Труды”¹³³.

В этом же письме Сушицкий с явной досадой отмечал: «У нас в Киеве полное затишье вообще и в Наук[овом] Тов[аристве]¹³⁴ в особенности. От председателя – Науменка¹³⁵ – поздно уже ждать чего-нибудь. Все секции без головы; т. к. лишились их: литературная – Вас (и все замерло), языковая – Михальчука¹³⁶ (такое безобразие – “Збірник”¹³⁷ вышел без портрета, я уже слегка ругался по этому поводу с “дядями”), история – М. Грушевского¹³⁸. Ни одного события – дельного»¹³⁹.

Ответ Перетца не заставил себя ждать, и похоже, что, при общем одобрении проекта, он отмечал и его сложности. Уже 1 ноября Сушицкий вновь писал учителю: «Чрезвычайно благодарен Вам за столь скорый ответ и при том на все интересовавшие меня пункты. Особенно приятно было для меня узнать о принципиальном одобрении Вами моей затеи – “Обзора”. Признателен за указания и даже за скептические тезисы: я их чувствовал сам – теперь нахожу подтверждение своему сомнению, продолжая считать его лишь методическим, и задачу полезной даже при относительной полноте. Думаю, что подобные работы и по существу не могут быть абсолютно полными, и все же для данного

131 Под таким названием Перетцем публиковались работы практически ежегодно с 1905 по 1917 годы, см.: *Перетц В. Н.* Исследования по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1982. С. 240–246 (Список печатных трудов академика В. Н. Перетца).

132 Максимович Михаил Александрович (1804–1873) – филолог, фольклорист, историк. Впервые опубликовал сборник «Малороссийские песни» в 1827 г.

133 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 2 об.–3.

134 «Українське наукове товариство у Київі» основано в 1906 г.

135 Науменко Владимир Павлович (1852–1919) – украинский филолог, педагог, общественный деятель.

136 Михальчук Константин Петрович (1840–1914) – украинский языковед и этнограф.

137 Фільольогічний збірник пам'яті К. Михальчука. Київ, 1915. 149 с.

138 М. С. Грушевский находился в ссылке.

139 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 3.

состояния истории украинской литературы не бесполезны. Увлёкся же я этим до странности по собственному самосознанию»¹⁴⁰.

Описывал Сушицкий и положение дел на курсах Жекулиной: «Пристраивая Ильинского на Педаг[огического] фак[ультете], поручили ему на Совете читать ц[ерковно]слав[янский] с рус[ским] яз[ыком]. Предположено допускать к слушанию и зачету нужных им курсов и ист[орико]-филологичек (неофициально, т[ак] к[ак] разрешено военными властями открыть лишь Педаг[огическое] отделение – для приготовления учительниц высших начальных училищ, “столь необходимых для народного образования в России”...). Итак, теплится маленький огонек филологической науки на курсах Жекулиной, но, к сожалению, чисто теоретически, т[ак] к[ак] мы лишены практич[еских] занятий по филологии, “ненужных педагогичкам”»¹⁴¹.

Перетц позаботился и о снабжении Сушицкого научной литературой. Ученик, переполненный эмоциями, писал учителю: «Благодарю за поддержку моего ходатайства о высылке книг – изданий Ак[адемии] наук. Несказанно рад буду получить. Жду с нетерпением, наперед наслаждаюсь блаженством созерцания и просмотра “дома”, без беганья по библиотекам, столь скудным теперь в Киеве»¹⁴².

Прося в этом же письме о содействии в ходатайстве, Сушицкий писал не без самоиронии: «Безмерно признателен буду и за поддержку прошения моего пред 2 отд[елением] р[усского] яз[ыка] и слов[есности] о пособии; на днях пошлю. Вы хорошо знаете, сколь нужны для нас, украинцев, толчки для работы, а деньги обяыывают, тем более из Ак[адемии] наук»¹⁴³.

Перетц всегда помогал ученикам, поэтому он 3 декабря 1915 г. просил Шахматова поддержать в ОРЯС выделение для Сушицкого средств «на поездку в Москву для занятий (в ИПБ¹⁴⁴ невозможно – закрыта), так как «он кончает диссертацию, но в Киеве это трудно»¹⁴⁵. Положительное решение было принято сразу же, и уже 9 декабря Сушицкий писал Перетцу: «Не нахожу слов для выражения моей благодарности за пособие»¹⁴⁶. Молодому ученому удалось воспользоваться

140 Там же. Л. 4–4 об.

141 Там же. Л. 5.

142 Там же. Л. 5 об.

143 Там же.

144 Императорская Публичная библиотека в Петербурге.

145 *Шахматов А. А.* Избранная переписка... С. 616.

146 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 6.

предоставленным пособием. И 18 сентября 1916 г. он докладывал Перетцу: «Спешу к Вам своим сообщением, прежде всего, ближайшего отчета о научной поездке, самая возможность которой открылась для меня, конечно, благодаря Вашему содействию... За время с первых чисел июня и до половины августа мне удалось сделать сравнительно много»¹⁴⁷. Далее Сушицкий перечислял и найденные рукописи, и места их обнаружения. В частности, он указывал: «...10 из собр[аний] гр[афа] Уварова¹⁴⁸, к которому мне удалось забраться в августе в с[ело] Поречье¹⁴⁹, хотя и после продолжительной переписки с 12 июня по 27 июля»¹⁵⁰. Но не обошлось и без проблем. «К сожалению моему и даже прискорбию, – продолжал Сушицкий, – Ваше предостережение, Владимир Николаевич, относительно недоступности рукописей в Петрограде оправдалось и больно ударило по моим оглоблям: кроме Академии наук, почти не пришлось поработать. Лишь печатный отдел Публичной библиотеки дал мне материал на три недели работы запоем: с 10 ч[асов] у[тра] до 9 в[ечера] с перерывом в 1–1½ на обед. Там сделано мною очень много для диссертации; заполнил все пробелы в литературе вопроса». Далее Сушицкий делился с учителем своими дальнейшими планами, которые захватывали зимние месяцы 1916 – начало 1917 г.: «Но все же в рукописные отделы Петрограда мне еще раз забраться крайне необходимо и притом в ближайшее время, приблизительно на 3 недели в конце декабря – начале января, не позже Масляной и первой недели поста¹⁵¹. Буду копить деньги на эту поездку, если удастся сколотить...»¹⁵². При этом он сетовал на загруженность работой в гимназии, отмечая, что «все это задерживает окончательную редакцию моей диссертации...». «Позволяю себе, на правах Вашего ученика, – подчеркивал Сушицкий, – послать для предварительного осмотра мой Отчет Академии и очень прошу передать его по назначению»¹⁵³.

147 Там же. Л. 9.

148 Уваров Алексей Сергеевич (1824–1885) – археолог, коллекционер, первый директор Исторического музея, где в настоящее время и хранится коллекция собранных им рукописей.

149 Поречье было отдано как приданое дочери графа А. К. Разумовского, вышедшей замуж за графа С. С. Уварова, в роду которого имя оставалось вплоть до 1917 г.

150 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 9 об.

151 Великий пост начинался 13 февраля.

152 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 9 об.–10.

153 Там же. Л. 10 об.

В этом же письме он благодарил Перетца за помощь в решении жизненно важного для него организационного вопроса. «Досада берет, – сетовал Сушицкий, – что сейчас долги придется допустить из-за злосчастной гимназии, никак не переходящей окончательно к Обществу “Группы преподавателей” из-за длительной переписки Департамента с Округом... В этом Обществе я состою председателем Хозяйственного комитета, а Дорошкевич¹⁵⁴ – секретарем его. От меня, Дорошкевича и прочих членов О[бществ]а выражаю Вам, дорогой Владимир Николаевич, свое сердечное спасибо. Мы все очень признательны Вам за участие, искренно извиняясь за причиненное беспокойство. Лишь полуголодное существование не получавших два месяца жалованья вынудило нас к этому. Я лично сомневался в праве Вас беспокоить по этому делу, и лишь по совету помощника попечителя Округа С. В. Певницкого¹⁵⁵ решился отправить Вам телеграмму¹⁵⁶. Официальной бумаги еще не получено, и хотя мы не сомневаемся в передаче гимназии нам, но время убийственно тянется в тревожно-полуголодном ожидании»¹⁵⁷. Судя по тексту письма, участие Перетца помогло сдвинуть решение в бюрократических сферах Министерства народного просвещения.

Сообщал Сушицкий и о своей работе на Вечерних высших женских курсах: «У Жекулиной читаю др[евне]русскую литературу и веду прак[тические] занятия, Андрей Митрофанович [Лобода] – народн[ую] словесность». Далее, по-видимому по поручению руководства курсов он спрашивал учителя: «Вы избраны редактором “Летописи” курсов, Жекулиной “сроком на 2 года”. Позволите ли поставить вопрос о переизбрании Вас? Б[ыть] м[ожет], она не умрет, а возродится»¹⁵⁸.

По-видимому, Перетц захотел более подробно ознакомиться с содержанием лекций ученика и обдумать предложение о продолжении «Летописи»¹⁵⁹. И 6 октября Сушицкий отвечал на его запрос: «На курсах Жекулиной получил и высылаю для Вас Лекц[ионную]

154 Дорошкевич Александр Константинович (1889–1946) – литературовед, критик.

155 Певницкий Сергей Васильевич (1860–?) – действительный статский советник, помощник попечителя Киевского учебного округа в 1909–1916 гг.

156 Текст телеграммы не сохранился.

157 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 10–10 об.

158 Там же. Л. 10 об.

159 «Летопись» курсов так и осталась в двух выпусках.

книгу (1)¹⁶⁰ и I–II книги “Летописи”¹⁶¹, пока по одному экземпляру. Если нужно больше, сообщите, пришлю»¹⁶². В подстрочнике письма Сушицкий отмечал: «(1) Лекционная книга одного типа, второй тип еще не вошел в жизнь и не отпечатан»¹⁶³. Далее он делился своими планами о возможных перспективах трудоустройства: «Мечтаю о Чернигове¹⁶⁴, если удастся. Не забудьте, если подвернется случай, что, кроме известного Вам, Владимир Николаевич, обо мне, я второй год читаю литер[атурный] курс на педагогич[еских] курсах Жекулиной, что является репетицией к Чернигову»¹⁶⁵.

Практически в те же дни осени 1916 г., когда Отроковский успешно сдал свой первый магистерский экзамен, Сушицкий лекцией открыл в университете свой спецкурс. О том, что задача для желающих закрепиться в университете была непростой, Перетцу писал 31 октября Отроковский: «В университете сейчас – совсем на столичный лад: расписание филологов так и пестрит специальными курсами да именами “новоявленных” доцентов. Но мобилизация скашивает слушателей, а доценты в борьбе за существование цепко держатся за уроки в гимназии, м[ожет] б[ыть], тайком завидуя зем-гусарам¹⁶⁶»¹⁶⁷.

Перетца не могло не интересовать, как его ученики, входившие в число «новоявленных» доцентов, справляются с этой ситуацией. Сушицкий сообщал и о своих делах, и о коллегах по Семинарию 18 ноября: «Мои лекции пока удачны в Университете: удачей называю 1) то, что состоялись все лекции доселе, что не со всеми теперь бывает; 2) при количестве, в среднем большем, чем на многих

160 Сушицкий Ф. П. Из лекций по литературе Южной и Западной Руси XV–XVIII вв., читанных на Высших веч. женских курсах в г. Киеве, в весеннем семестре 1914/5 уч. г. Очерк 1: О западно-русских летописях. Киев, 1915.

161 Летопись Вечерних высших женских курсов, учрежденных в г. Киеве А. В. Жекулиной. Киев, 1914. Кн. 1; Летопись Вечерних высших женских курсов, учрежденных в г. Киеве А. В. Жекулиной. Киев, 1915. Кн. 2.

162 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 12–12 об.

163 Там же. Л. 12 об.

164 В Чернигове в 1916 г. был открыт Учительский институт.

165 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 12 об.

166 Земгусары – в просторечье так называли чиновников Земгора, организации, созданной в 1915 г. на базе земских и городских дум. Организация была посредником по распределению государственных оборонных заказов.

167 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 25 об.

обязательных курсах... Прочел пробные лекции Ив. Ив. Огиенко, мне довелось на одной побывать, “О русском ударении”. Вступительная лекция А. С. Грузинского (“О мистицизме Гоголя”), по сообщениям моих слушателей, на них произвела отрицат[ельное] впечатление; ни одного аплодисмента – вопреки традиции. Досадно... Грунский сух с нашими; я еще не знаком»¹⁶⁸. Сушицкий полагал, что учителю будет интересна следующая информация: «Киевские новости: кроме списков думских речей – злобы дня – и известий, слухов от 18 ноября о взятии немцами Бухареста, в учебном мире – Жекулина накануне получения прав для курсов; министр прислал к попечителю за отзывом»¹⁶⁹. Со своей стороны, Сушицкий спрашивал Перетца: «Что слышно там у Вас насчет Чернигова?»¹⁷⁰

Перетц попросил более подробной информации, выделив двух учеников, и уже 24 ноября Сушицкий ответил: «Спрашиваете про С. Ф. Шевченка и И. И. Огиенка. Первого я давно не видел, знаю лишь, приступив, как Вам известно, к магистер[скому] экзамену на 1-ой нед[еле] прошлого Великого поста, он еще не закончил всех испытаний»¹⁷¹. Сообщение о том, что дела у Шевченко идут неважно, только подтверждало то, что незадолго до этого Перетцу писал Лобода: «А вот что-то Савва Филиппович не продолжает начатых экзаменов. Этак у него может выйти большой скандал по срокам»¹⁷².

Сушицкий постарался изложить суть лекции Огиенко, оценив ее положительно, но при этом сделав ряд замечаний: «Ив. Ив. Огиенка я видел в Университете на его пробной лекции “О русском ударении”. Составлена и прочтена прилично, но поддержать внимание аудитории к подобной теме, им выбранной, очень трудно, конечно. Да и мало показательна эта тема для пробы самой эрудиции кандидата в приват-доценты от лингвистики по преимуществу, так как не широкой по объему, а здесь еще суженной до отдельной, б[ыть] м[ожет], одной-двух страниц курса...»¹⁷³

О своих же успехах он с гордостью сообщал учителю: «Вы спрашиваете о моей вступительной? Тема ее – “Пушкиноведение XX в.”, как вступление в специальный курс о Пушкине, объявленный мною

168 Там же. Д. 84. Л. 14 об.

169 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 13 об.

170 Там же. Л. 14 об.

171 Там же. Л. 16 об.

172 Там же. Д. 46. Л. 24.

173 Там же. Д. 84. Л. 16 об.–17.

в осеннем семестре. <...> Кроме усиленного освещения крупнейших работ в пушкиноведении 1900–1916 гг., я провел идею необходимости коллективных работ над Пушкиным, особенно в очередных отделах, при составлении словаря пушкинских рифм (ср. “Пушкин и его современники”. В. III¹⁷⁴), а также – Словаря эпитетов его, б[ыть] м[ожет], вообще стиля и т[ак] д[алее] в духе работ Пушкинского семинария проф. Венгерова¹⁷⁵. Вот эта-то идея особенно и понравилась А. М. Л[ободу], о том он мне лично сообщил даже впоследствии, на 2-й или 3-й день, признав в общем сейчас же, после лекции, ее и в целом “прекрасной”. Удастся ли такой Пушк[инский] семинарий у нас, в провинции, без обстановки и ресурсов Венгерова – трудно судить, особ[енно] теперь, но среди слушателей моих есть увлеченные этим, практически вовлеченные уже в дела. Да и на курсах Жек[улиной], где у меня идут с сент[ября] удачно прак[тические] занятия, есть отзвуки на это...»¹⁷⁶

В последних числах ноября Перетца подробно информировал о положении его учеников в университете Лобода, кстати, особенно отметивший Сушицкого: «Хуже всего, конечно, приходится приват-доцентам; у некоторых из них курсы, пожалуй, не состоятся. Прочнее других братья Масловы, Назаревский, Гудзий; по-видимому, наладится дело у Сушицкого, благодаря его ретивости и ловкости; он объявил курс о Пушкине и подготавливает что-то вроде Пушкинского семинария. Искренне жаль мне Сашу Грузинского: рвения у него много, но от бестолковости своей никак он не может избавиться и, например, даже к вступительной лекции не сумел он как следует подготовиться. Огиенко прочел пробные лекции в общем недурно»¹⁷⁷.

Таким образом, умеренно благожелательные отзывы ученика и коллеги давали Перетцу возможность составить представление о лекции Огиенко как успешной, но не без недостатков. Резко контрастирует с оценками Сушицкого и Лободы мнение еще одного свидетеля этой лекции, правда, высказанное через 30 лет после ее произнесения.

174 Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. СПб., 1905. Вып. 3.

175 Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) – литературный критик, историк литературы, основал в 1908 г. в Петербургском университете Пушкинский семинарий.

176 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 17–17 об.

177 Там же. Д. 46. Л. 13–13 об.

Оно принадлежит В. П. Петрову¹⁷⁸, личности неординарной, слушателю¹⁷⁹ лекций Перетца в Киевском университете, ученому, писателю, видному деятелю послевоенной украинской культурной эмиграции и одновременно сотруднику советских спецслужб. В мемуарном очерке «Болотная Лукроза»¹⁸⁰ он оставил обширное описание своих восторженных впечатлений и от лекции, и от ее автора. «Иван Иванович Огиенко, – писал Петров, – для своей вступительной лекции в Университете выбрал тему: “Правильно ли поставлено ударение в «Полтаве» Пушкина «Молчит музыка боевая»?” Он привел сотни примеров из бесчисленного множества авторов. Это был результат кропотливых изысканий. Достояние безупречной эрудиции. Поток имен, фейерверк самых неожиданных цитат. Аудитория была потрясена грандиозностью проведенной автором скрупулезной работы. <...> В моих ушах по сей день звучит эхо тех аплодисментов, гром их заполнил узкое пространство шестой аудитории, окно которой выходило на лужайку Ботанического сада, и я вижу худощавую фигуру оратора с продолговатой бородкой в форменном сюртуке гимназического ученого. С неистовым энтузиазмом мы, студенты, аплодировали тогда новому доценту Университета в знак искреннего своего удивления и признания». В заключение Петров был категоричен: «Среди всех доцентских лекций, произнесенных в те годы в Университете, эта, несомненно, была самой блестящей. Она стала для меня наглядным доказательством того, как настоящий ученый одним касанием волшебной палочки из мелкой темы способен выстроить сказочный дворец, простую гальку превратить, шлифуя, в драгоценный камень безупречной эрудиции. Исследователь спускался с кафедры победителем. Декан¹⁸¹ жал

178 Петров Виктор Платонович (1894–1969). См. подробнее о нем, например: *Барабаш Ю. Я.* Кто вы, Виктор Петров? В. Домонтович (Петров) и его повесть «Без почвы»: всё не то, чем кажется... // *Новый мир*. 2012. № 8. С. 156–174; *Булкина И. С.* «Тень неразгаданного сикофанта...» // *Гефтер*. Интернет-журнал. 2016. URL: <http://gefter.ru/archive/19371> (дата обращения 16.04.2022).

179 В списке постоянных членов Семинария Перетца Петров не значится. См.: *Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца*. С. 33.

180 *Домонтович (Виктор Петров) В.* Болотная Лукроза (пер. с укр., предисл. и коммент. Инны Булкиной) // *Новое литературное обозрение*. 2017. № 5. С. 241–267. Впервые очерк был опубликован в Мюнхене в 1948 г.

181 Бубнов Николай Михайлович (1858–1943) – историк-медиевист и филолог. В 1905–1919 гг. декан историко-филологического факультета Киевского университета.

ему руку. Студенты продолжали аплодировать»¹⁸². В данном случае можно лишь констатировать, что оценки одной и той же лекции сделаны с разного уровня подготовки оценивающих, профессора («в общем недурно»), кандидата в доценты («прочтена прилично», однако «мало показательна эта тема для пробы самой эрудиции кандидата в приват-доценты») и студента (лекция «была самой блестящей»).

Сушицкому с его постоянным обращением к средневековым рукописям хотелось привить подобный интерес и своим ученицам. Он писал Перетцу 4 декабря 1916 г.: «...так хотелось бы к весне дать работы по этим рукописям многим из руководимых мною курсисток...» Поэтому он считал, что у задуманного им семинария должна быть особая миссия: «Пушкинский семинарий для Киева, при недоступности большей части рукописей, – манна небесная; она особенно полезна для той массы курсисток, что готовы прыгать в стихи Бальмонта и К^о. Их и “палкой не пришьешь к соленому мясу”¹⁸³ рукописей. На фоне же их выделяются 2–3 более глубокие, обещающие не только опыта над рукописями, но и плодотворную работу»¹⁸⁴.

В этом же письме Сушицкий сообщал Перетцу о событиях, имевших к нему прямое отношение: «Вчера, 3 дек[абря], на курсах Жекулиной состоялось чествование окончившей с дипломом 1-й степени государственные экзамены г-жи Колтоновской. Собрались в массе курсистки за чашкой чая – от лица подруг ее – с участием преподавателей и учредительницы. В речах рвали во все стороны виновницу торжества. Завитневич¹⁸⁵ – как первую ласточку весны для курсов, Кудрявцев¹⁸⁶ – требуя “принципов” в ее жизни, Лубенец¹⁸⁷ приказывал остаться бедной народной учительницей, Лобода – шутя в своих речах»¹⁸⁸. Со своими

182 Домонтович (Виктор Петров) В. Болотная Лукроза. С. 245.

183 «Не пришьешь их палкою к соленому мясу» (Кантемир А. Д. Сатира I. На хулящих учения к уму своему // Кантемир Антиох. Собрание стихотворений. 2-е изд. Л., 1956. С. 58 (Б-ка поэта. Большая серия).

184 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 19 об.

185 Завитневич Владимир Зенонович (1853–1927) – историк, археолог, действительный статский советник, преподаватель русской истории на Вечерних высших женских курсах А. В. Жекулиной (с 1910).

186 Кудрявцев Петр Павлович (1868–1940) – богослов, соучредитель, преподаватель истории древней философии (1905), директор (1910) и председатель педсовета (1911) Вечерних высших женских курсов А. В. Жекулиной.

187 Лубенец Тимофей Григорьевич (1855–1936) – педагог и деятель народного образования.

188 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 18–18 об.

поздравлениями выступил и Сушицкий: «Мне оставалось от Вашего имени и во имя витающей на курсах Вашей тени, поправляя речь Лубенца – “не пристегнуться к науке”, как он выразился, а создать первую славу себе и честь курсам своим первым печатным трудом, не ограничиться первенцем... По-видимому, это подействовало, т[ак] к[ак] она стала спрашивать затем меня, какую бы ей взять тему для работы...» Затем, отмечал он, «говорила Жекулина и курсистки – об ожидавшихся правах для курсов (был ревизором Н. М. Бубнов, благополучно), и в результате было предложено и принято послать Вам телеграмму, но, при бездействии телеграфа, предпочли “подписной” лист, т[о] е[сть] привет Вам от курсов подписали присутствовавшие на чаепитии...»¹⁸⁹

«Другая новость, – продолжал Сушицкий, – предприняты первые шаги к реализации замысла по части известного Вам юбилейного сборника. Задним числом, к моему сожалению, стало мне лишь на днях известно, что С. Ф. Шевченко собрал у себя часть Ваших учеников-киевлян и собравшиеся, как учредит[ельное] собрание, избрали себя членами редакц[ионного] комитета. Правда, все люди почтенные: Белецкий, Гудзий, Масловы, Назаревский, Огиенко и Шевченко. Выработано, отпечатано и рассылается соответствующее обращение с указанием срока к весне 1917. Дай Бог успеха им и делу!»¹⁹⁰ Заметно, что Сушицкого задело, что его не включили в состав редакционного комитета планировавшегося сборника, посвященного 25-летию научной деятельности Перетца. К сожалению, издание сборника не состоялось, и одной из причин этого, как отмечал приглашенный в него С. Ю. Кулаковский¹⁹¹, была невозможность собрать средства с учетом быстро растущей дороговизны издания¹⁹².

Еще в сентябре Сушицкий планировал время поездки в Петроград и Москву для занятий в библиотеках и архивах. Он получил 18 ноября запрашиваемые для этой цели 150 рублей от Академии наук, за что благодарил учителя¹⁹³. А 24 ноября он уже докладывал Перетцу: «Выехать надеюсь 17 дек[абря] и пробыть в Москве и Питере до числа 10–2 янв[аря]»¹⁹⁴.

189 Там же. Л. 18 об.–19.

190 Там же. Л. 19.

191 Кулаковский Сергей Юлианович (1892–1949) – литературовед.

192 См. подробнее: Робинсон М. А. Судьба русского киевлянина: письма С. Ю. Кулаковского А. И. Соболевскому (Революция, Гражданская война, первые годы эмиграции) // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 218–219.

193 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 13.

194 Там же. Л. 17 об.

Сушицкому удалось осуществить намеченную командировку, вначале он заехал в Москву. Так, 22 января 1917 г. он сообщил в письме Перетцу: «Особенно любезен В. Н. Щепкин¹⁹⁵, поминавший Вас...»¹⁹⁶ Далее Сушицкий описал очень важную для него встречу: «В Питере неожиданно попал к А. А. Шахматову, у которого по телефону спрашивали о летописн[ом] сборнике для меня (из Москвы в Археогр[афической] ком[иссии]). <...> Очень хвалил тему мою <...>. одобрил многие из моих предположений и даже любезно предложил издать приложения к диссертации в одном из изданий Археогр[афической] комиссии, о чем подать ему записку до февраля для включения в заседание Арх[еогеографической] ком[иссии]. Отсюда моя к Вам просьба – разрешить прислать Вам для предвар[ельного] просмотра и, если нужно, исправления»¹⁹⁷.

Писал Сушицкий Перетцу и о возможных перспективах публикации его диссертации: «А. М. Лобода в декабре предлагал мне иметь в виду возможность освобождения вскоре места в “Известиях Унив[ерситета]”. <...> Тем более жалко, что не довелось мне увидаться с Вами»¹⁹⁸. «Эх! – сетовал Сушицкий. – Дайте мне сейчас 3–4 месяца, без проклятых уроков (ежедневно около 5), и я бы написал, еще многое изменив и отделив, достойное себя и поставленной цели...»¹⁹⁹

По-видимому, Перетц призвал ученика в деле устройства диссертации в печать действовать решительнее. Сушицкий в письме от 5 февраля согласился с указаниями учителя, одновременно прося его проекции: «А. А. Шахматова, ободряемый Вами, буду просить издать, если окажется возможным, мою работу. Если удастся, подготовьте его к этому. На днях пишу ему об этом». Вообще перспектив скорой публикации явно не предвиделось. «В “Унив[ерситетских] известиях”, – сообщал он далее, – еще не начаты ни С. И. Маслова, ни С. А. Щ[егло]вой, даже Филипповича²⁰⁰ медальное²⁰¹ не закончено. Трудно решить, где

195 Щепкин Вячеслав Николаевич (1863–1920) – славист, лингвист, палеограф, старший хранитель Исторического музея (Москва).

196 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 25.

197 Там же. Л. 25–25 об.

198 Там же. Л. 25 об.–26.

199 Там же. Л. 25–26 об.

200 Филиппович Павел Петрович (1891–1937) – украинский поэт, литературовед, участник Семинария Перетца.

201 Дипломная работа Филипповича «Жизнь и творчество Е. Баратынского» была удостоена золотой медали.

бы раньше напечатали. В “Лет[опи]си Арх[еогеографической] к[омиссии]”, б[ыть] м[ожет], не раньше 1918 г.?”²⁰²

* * *

Об одном из поручений, которое Перетц дал перед отъездом из Киева, Отроковский уже сообщал 19 августа 1915 г.: «Счастливого пути в Петроград, куда, судя по сообщениям Штаба за последние дни, Вы можете ехать с успокоенным духом. <...> Деньги за “Отчет”²⁰³ я немедленно передам»²⁰⁴. Вскоре от Перетца последовало новое задание, о выполнении которого Отроковский писал 11 октября: «Лишь получил я Вашу открытку – сейчас же написал Драй (он не склоняет своей фамилии – д[олжно] б[ыть], под влиянием славистики!), но доселе ни списка, ни ответа – не имею; Ларин же утверждает, что – по его памяти – Драй копии²⁰⁵ тогда не сделал»²⁰⁶.

В 1915 г. Перетц организовал две экспедиции своего Семинария. Первая состоялась в конце зимы 1915 г. с киевскими учениками в Петроград, а вторая в конце весны – начале лета 1915 г. в Киев уже с новыми петроградскими учениками. За основную техническую работу по подготовке издания «Отчета» с результатами летней экспедиции должен был отвечать С. Ф. Шевченко. Перетц решил привлечь к этому делу и Отроковского, который сообщал учителю 14 ноября: «Ваше письмо с поручением корректуры “Отчета” – я надеюсь отправить. На днях зайду к С. Ф. Шевченко за оттисками»²⁰⁷. Через неделю, 22 ноября, Отроковский вновь сообщал о ходе дела: «Думаю, что Вы уже получили мое письмо с согласием корректировать “Отчет”. С. Ф. Шевченко написал Вам также²⁰⁸ о тех затруднениях, что связаны с пересылкой 2-ой корректуры»²⁰⁹. Очевидно, что Перетц был в курсе упомянутых затруднений, потому что решил привлечь к работе и Сушицкого, который к этому времени уже выполнял его поручение по пересылке необходимых ему книг.

202 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 24 об.

203 Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Петрограде 30 января – 7 февраля 1915 года. Киев, 1915.

204 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 2 об.

205 Перец поручал ученикам копировать нужные для его работы рукописи.

206 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

207 Там же. Л. 4.

208 Письма Шевченко в архиве Перетца не сохранились.

209 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 5.

Так, 1 ноября Сушицкий сообщал: «Завтра же, в понедельник, поймаю в Наук[овом] тов[аристве] с целью устроить посылку Вам “немедленно” 2 экз[емпляров] сборн[ика] Мих[альчу]ку и всех оттисков Вашей статьи. Там чаще бывает п. Романович, а Дорошенко²¹⁰, кажется, лишь на редакц[ионных] собраниях. Получили ли Вы экз[емпляр] 1-го в[ыпуска] Укр[аїнського] наук[ового] “збірника”²¹¹, выданного в Москві? Готов к изданию 2-й выпуск, подготавливается материал к 3-му, где, между прочим, пойдет начало библиографич[еского] Обзора укр[аїнської] лит[ерату]ры XIX в. Дорошенка. Собираются выпустить, наконец, Шевченковский сборник, хотя, б[ыть] м[ожет], и без статьи М. Груш[евско]го»²¹².

Сушицкий сразу дал согласие на новое поручение Перетца. Он писал учителю 21 ноября: «Охотно помогу С. Ф. в корректуре, чем заслужу и для себя экземпляр “Отчета”»²¹³. В этом же письме Сушицкий сообщал Перетцу и о выполнении другого поручения: «Согласно Вашему письму постараюсь нажать на Корчака²¹⁴ и по части “Записок”²¹⁵. Неполучение последних странно: заказ был дан мной на другой неделе по получении предыдущего Вашего письма; через день-два я снова наводил справки, и мне сказали, что послали. . .»²¹⁶

Через две с небольшим недели, в декабре 1915 г., Сушицкий подробнейшим образом описывал Перетцу проблемы с изданием книги. «Был снова в типографии, сегодня, 9-го, и узнал, если мне правду говорили там сам Корчак и его присные, – сообщал Сушицкий, – что будто виною в задержке не они, а Савва Филиппович [Шевченко]. Будто, вопреки договора с Вами относительно формата “Отчета”, он пожелал изменить его, чего они не могли сделать без Вашей санкции,

210 Дорошенко Дмитрий Иванович (1881–1951) – украинский историк, филолог, политический деятель.

211 Український науковий збірник / Українське наукове товариство у Києві. М., 1915. [Вип. I].

212 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 5–5 об.

213 Там же. Л. 20 об.

214 Корчак-Новицкий Георгий Трофимович – основатель типографии, преобразованной в 1901 г. в «Акционерное общество печатного и издательского дела Г. Т. Корчак-Новицкого». В этой типографии в основном печатались издания Киевского университета.

215 Речь идет о публикации одного из томов: «Записки Українського наукового товариства в Києві», в котором Перетц был одним из членов редколлегии.

216 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 20 об.

и предполагалось Вам посылать об этом»²¹⁷. Далее он повторил свое предложение оказать помощь в работе с корректурами. «С. Ф. предлагал, – отмечал Сушицкий, – для ускорения дела, посылать для второй корректуры не Вам, что было бы очень медленно, а мне, о чем он имел писать Вам²¹⁸, прося на это согласие. Это и в самом деле ускорило бы работу, если Вы доверитесь мне, уже “искушенному” по части корректур»²¹⁹. Общение с издателем шло непросто. «Сначала Корчак принял было меня с опаской и подозрительным недоверием, – писал Сушицкий, – не питаю ли я зловредных замыслов к Вашей работе. . . Еле втолковал ему свою дружескую Вам миссию, на что он, раскусив меня, реагировал словами: “А! это подгонять нас” . . . Я пробовал было иными словами это заменить – “Нет, мол, просить, и очень – ускорить нужную, до зарезу, к сроку работу” . . . Гарантий не дает, вообще тяжелый человек, как Вам известно. Думаю, обходя его, нажимать на завещающего набором и других»²²⁰.

Далее Сушицкий остановился на технической стороне подготовки издания: «При первом моем свидании с С. Ф. последний сообщил мне, что “Отчет” набирают 3–4 наборщика, на деле же, как я узнал, всего лишь один». Такое положение дела дало возможность Сушицкому покритиковать работу Шевченко. «Странно, – писал он, – что С. Ф. мечтал об “Отчете” как чуть ли не о новогоднем подарке Вам. . .»²²¹

Проблемы с печатанием были не только у «Отчета», но и у других трудов Киевского университета, о чем Сушицкий также писал Перетцу: «Приостановилось издание Киев[ских] унив[ерситетских] известий, чему удивляется даже Корчак, не допуская подобной возможности, если бы редактором был Иконников²²². . .»²²³ Охарактеризовал Сушицкий и поведение издателя: «Корчак нагло подчеркивает свою “материальную, конечно, заинтересованность”, мечтая поднять расценку издания, прибавляя, что Иконников добрее и охотно согласился

217 Там же. Л. 6.

218 Как уже отмечено в настоящей статье, письма Шевченко в архиве Перетца не сохранились.

219 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 6.

220 Там же. Л. 6 об.

221 Там же. Л. 6 об.–7.

222 Иконников Владимир Степанович (1841–1923) – историк, профессор Киевского университета, редактор «Университетских известий» (1873–1913). В 1915 г. редактором журнала стал А. М. Лобода.

223 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 7.

бы, а вот “Перетц – педант”, с ним надо осторожнее, написать, предупредить и т. д. Словом, готов Лазаря петь, – ну да об этом подробнее С. Ф. ...»²²⁴ Но Сушицкий надеялся: «И все же, б[ыть] м[ожет], удастся перебить обух плетью и подогнать... Уже во вторую встречу Корчак был любезнее и предупредительнее...»²²⁵

Хлопоты Сушицкого дали определенные результаты. Об этом он сообщал Перетцу 23 декабря: «... у Корчака уже двое набирают Ваш “Отчет”, с 4-го янв[аря] (понед[ельник]), “наверное”, будет поставлен третий, а затем вскоре обещан четвертый, в чем мне клялся заведывающий набором, с тем, чтобы к началу февраля закончить»²²⁶. Но обещание выполнено не было, такое положение беспокоило Перетца. Можно предположить, что он не был удовлетворен работой Шевченко и поэтому попросил Отроковского подробнее информировать о ходе дела.

Отроковский сообщал учителю 2 февраля 1916 г.: «О положении Вашего печатающегося “Отчета” – я знаю очень мало, ибо С. Ф. Шевченко всего лишь два раза присылал мне по поллиста корректуры, несмотря на мои напоминания принять участие в дальнейшей»²²⁷. Отроковский взял на себя всю работу по работе с корректурами издания, о чем подробно информировал Перетца. В новом сообщении от 23 февраля он писал: «...к концу этой недели наборщик мне обещал: 4-ю корр[ектуру]»²²⁸. «Впрочем, – продолжал Отроковский, – я еще не знаю, насколько тверды его обещания; к тому же, относительно срока – 10-го марта, который я ему поставил для окончания работы, – он не дал утвердительного ответа. Все же я не теряю надежды действовать в ближайшие представленные мне полторы-две недели с полным дипломатическим напряжением, вплоть до ультиматумов»²²⁹.

Через неделю, 3 марта, Отроковский докладывал: «Все достигнутые дипломатические воздействия в типографии привели к следующему: на этой неделе я получил набор до статьи Фетисова²³⁰, т. е. – приблизительно до 152-й печатной страницы, а может быть, и дальше. <...> На этой неделе мне обещаны 2 корректуры – до 140 страницы, а также оттиски первых семи листов в чистом виде, которые я тотчас перешлю

224 Там же. Л. 7–7 об.

225 Там же. Л. 7 об.

226 Там же. Л. 22 об.

227 Там же. Д. 61. Л. 12 об.

228 Там же. Л. 14

229 Там же. Л. 14 об.

230 Фетисов И. И. – в Семинарии Перетца с 1915 г.

Вам»²³¹. Сроки возможного завершения печатания книги явно сдвинулись и оставались неопределенными: «К сожалению, трудно надеяться, что “Отчет” будет кончен вовремя: судя по ненабранному оригиналу, в книге будет 13–14 печатных листов (а не 10–11 лл., как Вы предполагали)»²³². Так, 7 марта он писал: «В типографию я сдал исправленной 1-ю корректуру до 155 стр. включительно, т[о] е[сть] до отчета Фетисова. О Савве Филипповиче никаких вестей не имею; думаю, он на днях заявится в Киев»²³³.

Через два дня, 9 марта, новое письмо, с информацией: «Мною Вам отправлен новый набор – 21-го февраля, 4-го марта и 8-го марта. Вторую корректуру до 155 стр. я думаю получить сегодня, а также и набор статьи Фетисова²³⁴». В этом же письме Отроковский с нескрываемым раздражением отзывался и о работе типографии, и о манере общения ее руководства с заказчиками: «Сейчас иду в типографию. Я говорил и с самим Корчаком, но ведь Вы знаете, что все производители теперь говорят в снисходительном и покровительственном (!?) тоне: дескать – нет рабочих, хорошо, что хоть столько осталось, а с призывом белобилетников и этих не будет, и т[ак] д[алее]. А заказчики у них не переводятся»²³⁵. Желая быстрее выполнить поручение Перетца, его ученики зачастую мешали друг другу. Так, Отроковский отмечал в письме от 17 марта: «Сегодня я зашел в типографию; оказалось, что ведение дел взял на себя снова С. Ф. Шевченко, не предупредив меня, отчего у меня задержался оригинал статьи Фетисова, который и отсылаю Вам с настоящей открыткой». Тем не менее сроки окончания работы приближались. «На прошлой неделе, – писал Отроковский, – наборщик обещал окончить набор к концу этой текущей. Т[аким] о[бразом], я думаю, что Ваше желание видеть книгу к Пасхе – будет исполнено»²³⁶.

Через три дня, 21 марта, Отроковский докладывал учителю: «Следуя Вашей открытке, я передал С. Ф. просьбу заказать еще один экземпляр чистых листов <...> в типографии ведется точный учет каждой

231 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 9.

232 Там же.

233 Там же. Л. 7.

234 *Перетц В. Н.* Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Киев 30 мая – 10 июня 1915 года: С прил. описания древ. рукописей и старопеч. книг Киево-Выдубицкого монастыря. Киев, 1916. VII (занятия И. И. Фетисова). С. 155–158.

235 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 6.

236 Там же. Л. 8.

страничке, т[о] е[сть], скажу Вам, невероятные скареды!» Были предприняты меры, которые должны были материально заинтересовать работников типографии. «С. Ф. посулил наборщику изрядную “толику”, и, судя по всем ауспциям²³⁷, книга к апрелю вылупится из скорлупы»²³⁸, – писал Отроковский. Точно ли к Пасхе, которая была в 1916 г. 10 апреля, успело издание, неизвестно, но в начале мая книга была напечатана.

С большим удовлетворением Отроковский 5 мая сообщал Перетцу: «Четыре экземпляра “Отчета”²³⁹ я получил и сердечно тронут ими, а в особенности печатной благодарностью... Книжка вышла очень солидной и содержательной, для меня, занимающегося жителями, в особенности... Должен признать, что это – кажется – лучший из “Отчетов”...»²⁴⁰

Другое важное для Перетца поручение полностью легло на плечи Сушицкого. Сложность в его исполнении была связана с транспортными проблемами. Дело в том, что подготовленные Перетцем к изданию тексты итальянских комедий при дворе Анны Иоанновны печатались в Киеве в «Типографии 2-й артели печатников», а предисловие Перетца и окончательное оформление издания предполагалось завершить в Петрограде.

Из письма Сушицкого следует, что бумага для петроградской типографии должна была быть отправлена из Киева. О том, какие аргументы были использованы для решения проблемы, он подробно описал в письме от 6 октября 1916 г. Служащий типографии, отмечал Сушицкий, «вначале сообщил мне о полной невозможности послать “Итальянские комедии” и бумагу по железнодорожным затруднениям, ввиду чего он не отвечал на Ваше письмо (полагая, что Вы понимаете эти затруднения), потом переменял тактику, когда я предложил ему сообщить мне, в случае облегчения транспорта, через сына его, ученика гимназии нашего Общества. Узнав, что я преподаватель его сына и председатель Хоз[яйственного] комитета Об[щест]ва, немедленно стал при мне звонить по телефону на город[скую] станцию, и оказалось, что грузы принимаются. Когда я добавил, – продолжал Сушицкий, – что Вы были

237 «По всем ауспциям» – по всем признакам. Ауспции (лат.) в узком смысле гадание по поведению птиц.

238 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 18.

239 Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Киев 30 мая – 10 июня 1915 года: С прил. описания древ. рукописей и старопеч. книг Киево-Выдубицкого монастыря. Киев, 1916.

240 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 22.

любезны помочь нашей гимназии, след[овательно], и мы, и они – родители – Вам многим обязаны и должны отблагодарить Вас, он стал соображать и в ответ на мой вопрос, когда же безотлагательно он вышлет Вам ящики, он назвал мне “около середины след[ующей] недели”, т[о] е[сть] около 12 октября, как я оговорил с ним. Итак, это дело будет завершено, а я прослежу, чтобы не застряло»²⁴¹.

Можно предположить, что Перетца не вполне удовлетворяла работа со 2-й артелью печатников, и он просил ученика узнать о перспективах сотрудничества с разными известными киевскими издательствами. Итак, Сушицкий сообщал: «У Кульженко²⁴² сказали, что печатать смогут “после войны”. Когда же я назвал “3 листа”, нашли это возможным даже к Рождеству исполнить, надеясь пустить “на затычку” в перерыве между заказами Юго-Зап[адных] жел[езных] дорог (их подряды по контракту)»²⁴³. Перетца заинтересовала следующая информация, в которой он подчеркнул особо важные для него места: «У Корчака могут печатать и большие работы, но дороже: около 75 р[ублей] за лист – типа “Отчетов”. <...> Скорость – по 5 листов в месяц»²⁴⁴.

Обещанные Сушицкому сроки отправки бумаги выдержаны не были. О сложностях с отправкой груза для Перетца узнал и другой его ученик. Если 29 августа Отроковский просто интересовался у Перетца – «Если имеете какие-либо поручения в Киеве, я охотно приму их на себя»²⁴⁵, – то 31 октября его вопрос звучал определенно: «Не могу ли я быть Вам как-нибудь полезен в деле со 2-ой артелью?»²⁴⁶ Наконец, 18 ноября Сушицкий с радостью сообщал учителю: «Сегодня счастливый день: удалось отправить в Петроград все девять ящиков для Вас»²⁴⁷. Пересылка прошла благополучно, и когда Сушицкий был в Петрограде, он сообщал Перетцу 22 января 1917 г., в частности, о визите к Шахматову и что тот «велел мне получить деньги за пересылку “Итал[ьянских] комедий” и зайти к нему»²⁴⁸.

241 Там же. Д. 84. Л. 11–11 об.

242 Кульженко Василий Степанович (1865–1934) – владелец «Типографии С. В. Кульженко». Основал типографию его отец Стефан Васильевич Кульженко (1837–1906).

243 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 84. Л. 11 об.–12.

244 Там же. Л. 12.

245 Там же. Д. 61. Л. 24.

246 Там же. Л. 26.

247 Там же. Д. 84. Л. 13.

248 Там же. Л. 25–25 об.

Мысль найти возможность печататься в Киеве не оставляла Перетца, но сведения, поступившие от Сушицкого, ничем порадовать его не могли. Тот сообщал 24 ноября: «В день получения Вашего последнего письма я побывал у Корчака, заявившего мне категорически, что до нового года они ничего не могут печатать сверх полученных доселе заказов. Отправился я к Кульженку – тот же ответ “стереотипный” – до нового года нет возможности»²⁴⁹. В начале нового, 1917 года ситуация не сильно изменилась. Перетц вновь направил Сушицкого провести переговоры в издательствах. О тех сложностях, которые ожидаются, Сушицкий сообщал Перетцу 5 февраля: «Первый (Корчак. – М. Р.) категорически заявил, что может начать печатание “Отчета” не раньше, как через два месяца, т[о] е[сть] в апреле, т[ак] к[ак] сейчас, ввиду приказа военных властей прекращать электрич[еское] освещение в 6 ч[асов] в[ечера], работы в типографии еще более сокращены, а набор 3 февр[аля] вырвал еще нескольких наборщиков. Отсюда взятые доселе заказы растянутся [нрзб.] на 2 месяца. Посторонних, мол, заказов, он уже не берет, и Ваш, надеясь и в будущем получать заказы, готов взять и, хотя начнет печатать в апреле, но предлагает выслать оригинал сейчас же, для определения стоимости печ[атного] листа, по соглашению с капризными рабочими, требующими осмотра ими оригинала»²⁵⁰.

Что касается упоминавшегося в письме «Отчета», то по сложившейся традиции он должен был включать материалы очередной экспедиции Семинария. Такая экспедиция упоминается в издании, посвященном 20-летию Семинария русской филологии. Там отмечено, что Семинарий в Петроградский дореволюционный «период сделал две экскурсии – одну в Киев в 1916 г. [Акад. В. Н. Перетц. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Киев в 1916 г. Киев, 1916], другую в Новгород в 1917 г., где, между прочим, коллективно были описаны рукописи Новгородского древлехранилища при Софийском соборе и рукописи бывшей Духовной семинарии»²⁵¹. Действительно ли экскурсия в Новгород состоялась в 1917 г., неясно, возможно, что эта датировка связана с упоминанием экскурсии «в Киев в 1916 г.» с соответствующей ссылкой на публикацию «Отчета». Дело в том, что библиографическая ссылка ошибочна: «Отчет», опубликованный в 1916 г., был посвящен поездке в Киев летом 1915 г.

249 Там же. Л. 16.

250 Там же. Л. 23–23 об.

251 Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. С. 31.

Можно предположить, что экскурсия в Новгород состоялась в 1916 г., так как Перетц начал интересоваться публикацией «Отчета» уже в конце января 1917 г. Возможно, «Отчет» еще не был готов к печати, и Перетц просил провести предварительные переговоры, которые так ничем и не закончились. И вплоть до 1923 г. никаких работ Перетца на Украине опубликовано не было. К тому же, если бы «Отчет» уже был готов, то Перетц нашел бы в будущем возможность его публикации, но никаких следов подобной публикации нет.

* * *

Отроковский явно почувствовал тревожную атмосферу кануна революционных потрясений и хотел поделиться своими ощущениями с учителем, которому писал 24 февраля 1917 г.: «Пусть ничтожно это зерно гражданского чувства и глубоко промерзла кора над ним, но все же ему хочется, м[ожет] б[ыть] необходимо даже, дать свой росток. Тут нет даже мечты о почине, об активной работе – а так – хотя бы одного светлого сознания»²⁵².

Все, что стало происходить в общественной и политической жизни Украины, вселяло в душу Отроковского только тревогу. Чтобы яснее выразить свои чувства, он обращается к литературным образам древнерусской и латинской литературы. Объясняя свое долгое молчание, он писал Перетцу 14 мая: «Не часто писал я Вам в этом году: нечем было мне похвалиться перед Вами, а жаловаться – как можно, когда по всей стране расплескались лебединые крылья Девы-Обиды»²⁵³ (*Ultima caelestum Spes reliquit Russian...*²⁵⁴). В круге несогласованных раздумий, каких-то душевных пересечений – у зора нет ясности различать “сквозь магический кристалл” и жизнь, и науку, и многое повседневное и насущное»²⁵⁵. Отроковский пытался понять свое место в новой жизненной ситуации: «Здесь интеллигентская жизнь (особенно – М[инистерство] н[ародного] пр[освещения]), – писал он, – наматывается

252 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 17–17 об.

253 Дева-Обида – образ из «Слова о полку Игореве».

254 *Ultima caelestum Spes reliquit Russian... lat.* – Последняя надежда небес покинула русских... Отроковский перифразирует строки из «Метаморфоз» Овидия: «*Victa iacet pietas, et virgo caede madentis ultima caelestum terras Astraera reliquit*» («Пало, повержено в прах, благочестье, – и дева Астрея с влажной от крови земли ушла – из бессмертных последней...») – перевод С. В. Шервинского).

255 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 27–27 об.

на веретено украинства. И моя нить – незримая – есть среди многих. Если можно вообразить себе религиозного человека без “определенного” Бога, церкви, обряда и даже молитвы, – то я – так сознаю себя украинцем. Настолько, – что не могу войти в демократический союз друзей (деятели) русской культуры²⁵⁶... Слыхали про таковой?»²⁵⁷

Через полтора месяца, 2 июля, Отроковский попытался уже более определенно изложить Перетцу свое понимание украинизации и объяснить свои душевные метания. Он писал: «Здесь на Украине – украинский мотив – лейтмотив. Я никогда действительно не вел борьбы – ни политической, ни национальной. Да и национальная борьба для меня понятна и внутренне может быть оправдана только как самозащита. Национальный “империализм” – по-моему – самое гнусное дело. В подлинной украинизации здешнего края, бесспорно, нет ничего захватного, противонационального. Поэтому “Общество киевских деятелей...” я и мог понять лишь как “демократических” русификаторов и примкнуть к нему отказался, невзирая на сладкий соус программы “партии народной свободы”. Но и воинственный раж Винниченки²⁵⁸ и присных его, угрозы украинского оружия против неукраинства (огулом), в частности против русского народа – тоже не по сердцу мне. Ибо я понимаю будущее Украины – как буйное национальное развитие на основе общерусской политической жизни (в смысле догматов строя, а не административной централизации). Национальное в социализме для меня представляется как любовь к себе в христианской этике (“возлюби ближнего как самого себя”!)»²⁵⁹.

И в такой тревожной и запутанной ситуации Отроковский не очень ясно представлял свое место в ней: «И вот мне сейчас невозможно

256 «Организованный 3 мая при деятельном участии двух приват-доцентов университета Св. Владимира, П. П. Смирнова и малоросса Н. К. Гудзия, “Демократический союз деятелей русской культуры на Украине”, объявивший, что “русская культура, по количеству накопленных ею в крае ценностей, безусловно, является одной из главнейших краевых культур”» (*Спекторский Е. В.* Столетие Киевского университета св. Владимира // *Alma mater. Университет Св. Володимира...* С. 32).

257 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 28.

258 Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951) – украинский политик, государственный деятель, писатель, один из основоположников национал-коммунизма.

259 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 61. Л. 29 об.–30.

и стыдно было бы сказать, что я “щирый українець”, ибо до революции я не был таким наяву, а теперь еще не чувствую себя таким и в душе. Я еще только блудный сын, ищущий родного порога. По правде сказать, это возвращение – самый острый момент одиночества»²⁶⁰.

Это было его последнее письмо Перетцу.

Сушицкому подобные колебания и сомнения были незнакомы. Так, Лобода в самом начале осени 1917 г., сообщая Перетцу о положении его учеников в Киевском университете, особо остановился на перспективах Сушицкого. Он отмечал: «Курсы по истории укр[аинской] нар[одной] слов[есности] и литературы выразил желание читать Сушицкий, и факультет уже санкционировал это; вначале Сушицкий будет читать их на правах пр[иват]-доц[ента], так как кафедры еще не установлены официально и штаты на них не проведены, но по установлению кафедр он же, вероятно, явится и первым кандидатом на каф[едру] литературы, с этой кандидатурой придется считаться тем серьезнее, что у Сушицкого почти готова диссертация и как раз из области укр[аинской] литературы». Кроме того, Лобода констатировал появление новых политических обстоятельств, которые, несомненно, поспособствуют получению искомого места в университете. «Наконец, – писал он, – в пользу Сушицкого и то, что его кандидатура наиболее желанна и с точки зрения местных укр[аинских] кругов»²⁶¹.

Пятого октября в Киеве открылся Украинский народный университет, в котором Сушицкий начал преподавать историю украинской литературы. После переворота П. Скоропадского Сушицкий возглавил департамент высшего и среднего образования в Министерстве народного просвещения. О его работе в этом качестве упоминал в своих дневниковых записях В. И. Вернадский. Так, ученый интересовался перспективами создания новых университетов на территории Украины, и 17 июня 1918 г. по этому поводу у него был разговор «с Феокт. Петр. Сушицким. У них полное незнание законодат[ельной] техники. С[ушицкий] не глуп. Удивительно, как Киев полон сплетен, и каждый шаг полон политиканства»²⁶². Летом 1918 г. Вернадский еще неоднократно встречался с Сушицким²⁶³. Критикуя украинское

260 Там же. Л. 30 об.

261 Там же. Д. 46. Л. 25–25 об.

262 *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев, 1994. С. 107.

263 Там же. С. 108, 113, 116, 121.

национальное движение и его сторонников, он поместил Сушицкого среди известных украинских ученых: «Багалея²⁶⁴, Крымский²⁶⁵, Грушевские, Корчак-Чепурковский²⁶⁶, Ганицкий²⁶⁷, Сушицкий и т. д., многие из которых лично порядочные люди – теряют эту порядочность, когда переходят в область национальных вожделений и национальной политики»²⁶⁸.

Сушицкий занимался непосредственно вопросами, связанными с преобразованием Киевского народного университета в Киевский государственный украинский университет. И 29 сентября 1918 г. он был утвержден гетманом Скоропадским ректором Киевского государственного украинского университета.

Перетца, в отличие от его ученика, не прельстила возможность воспользоваться лестными предложениями, поступавшими из Киева. Он писал Шахматову 6 августа из Самары: «Мне было предложение в Киев, о котором, говорят, печатали в петроградских газетах. Но обстановка морально там так тяжела, что я не решился туда ехать». Перетц особо отметил: «Было еще предложение – интимно пока – министра народного просвещения. Тоже отказался, ибо под немецкую шарманку плясать считаю непристойным. Лучше буду вести культурную работу с моими учениками»²⁶⁹.

Драматические события революции и гражданской войны оказали самое непосредственное влияние на судьбу научного наследства обоих учеников Перетца. В Предисловии к изданию исследования Отроковского о Тарасии Земке Перетц сообщал и о другой работе ученика: «Громадное исследование В. М. Отроковского о литературной судьбе повести XVII в. “О купце Басарге и сыне его Борзосмысле”, произведенное на основании всех известных ее списков, было награждено Киевским университетом золотой медалью. Оно находится пока в рукописи, вполне приготовленной к печати. Выражаем надежду, что со

264 Багалея Дмитрий Иванович (1857–1932) – историк, общественный и политический деятель.

265 Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942) – украинский филолог, востоковед, писатель, переводчик.

266 Корчак-Чепурковский Авксентий Васильевич (1857–1947) – эпидемиолог, министр народного здоровья УНР.

267 Ганицкий Иван Михайлович (1879–1921) – государственный и политический деятель, зам. министра торговли УЦР.

268 *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. С. 158.

269 *Шахматов А. А.* Избранная переписка... С. 666.

временем и оно увидит свет и восполнит крупный пробел в изучении старинной русской повествовательной литературы»²⁷⁰.

В отзыве, который послужил основанием присуждения в 1913 г. упомянутой медали, Перетц подробно проанализировал работу, отметив и ее объем – 526 страниц «почтовой бумаги большого формата + таблица списков Повести»²⁷¹. Заключал свой отзыв Перетц очень лестными для молодого ученого оценками его труда. Учитель отдал должное и его упорству, и смелости в отстаивании своих научных выводов. «Встречаясь с необходимостью вступить в полемику с предшественниками, – писал Перетц, – касавшимися изучения Повести, автор обнаруживает находчивость и остроумие не верхогляда, а вдумчивого исследователя; он удачно и основательно полемизирует с ак. А. Веселовским, давая более правдоподобные выводы из изучения материала, чем этот знаменитый ученый»²⁷². По мнению Перетца, «работа автора могла бы быть представлена в качестве диссертации на степень магистра р. яз. и слов.»²⁷³.

Восторженное мнение об этой работе поместил в своем мемуарном очерке «Болотная Лукроза» Петров. Так, он писал, что работа, которая «принесла ему (Отроковскому. – М. Р.) золотую медаль», представляла собой «текстологическое исследование, анализ текста и согласование редакций нескольких литературных памятников XVI–XVII веков», и «работа эта достигала небывалого доселе объема – до трех тысяч страниц». Серьезно скорректировал Петров и мнение о ней Перетца, который «отрецензировал работу Отроковского в “Университетских известиях”; объявив ее образцовой, он ставил ее в пример “другим авторам магистерских диссертаций”»²⁷⁴. Все приведенные цитаты свидетельствуют, до какой степени мемуары полны не просто преувеличений, но и неточностей. Работа Отроковского была посвящена не нескольким памятникам XVI–XVII в., а одному и только XVII в., и она не столь «небывалого» объема, а приведенная Петровым «цитата», якобы из отзыва Перетца, в нем отсутствует. То, что Петров не привел в своем очерке название работы

270 *Перетц В. Н.* Предисловие // Отроковский В. М. Тарасий Земка... С. III–IV.

271 *Перетц В. Н.* Отзыв о сочинении на тему «Повесть о купце Басарге» // Университетские известия. Киев, 1914. № 9. С. 37.

272 Там же. С. 42–43.

273 Там же. С. 43.

274 *Домонтович (Виктор Петров) В.* Болотная Лукроза. С. 247.

Отроковского («О купце Басарге и сыне его Борзосмысле»), привело уже к ошибкам в комментариях к этому месту его очерка. Автор перевода и публикации очерка предположила, что Петров имеет в виду исследование Отроковского о Тарасии Земке²⁷⁵.

Высоко оценивая исследование Отроковского, Перетц, однако, отметил и «некоторые теневые стороны работы начинающего автора», в частности и то, что «автор очень любит выражаться кудряво и порою невразумительно, в стиле новейшей беллетристики»²⁷⁶. Возможно, Перетц таким образом отреагировал на увлечение своего ученика поэзией Иннокентия Анненского. В эти годы в Киеве «среди студентов университета, в семинаре В. Н. Перетца по древнерусской литературе, составилась круг почитателей автора “Кипарисового ларца”^{277,278}. «В. М. Отроковского, рано умершего, особо выделяли в этом содружестве. Б. А. Ларин писал в некрологе: “Первенца молодой семьи поэтов – похоронили. И огляделись, что мало нас – его полюбивших сердцем щедрым двадцатилетним. <...> Науке – дар его – королевский. Без наследников. Был одинокий, идущий впереди”²⁷⁹.

На следующий год после публикации работы Отроковского о Тарасии Земке Перетц предпринял попытку реализовать высказанную

275 Там же. С. 265. Та же ошибка и в очерке: Булкина И. «Смутной жизни тень...». Забытый поэт: между филологией и поэзией // Гефтер. Интернет-журнал. 2017. URL: <http://gefeter.ru/archive/21582> (дата обращения 10.02. 2022). То же см.: Груздева Е. Н. Академик Борис Александрович Ларин (1893–1964). Годы учебы // Московский журнал. История государства Российского. 2019. № 3. С. 84.

276 Перетц В. Н. Отзыв о сочинении... С. 41.

277 «Кипарисовый ларец» – поэтический сборник Иннокентия Анненского, изданный посмертно в 1910 г.

278 Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев / ред. В. Нехотин. М., 2017. С. 92–93. Н. Я. Мандельштам вспоминала: «Мой учитель латыни и приятель Володя Отроковский уговорил меня, пятнадцатилетнюю девочку, отказаться от Блока, потому что существует Анненский. Он научил меня чувствовать прелесть Анненского, но загубил первое доверчивое чтение Блока» (Мандельштам Н. Я. Вторая книга / подгот. текста, предисл., примеч. М. К. Поливанова. М., 1990. С. 372–373).

279 Тименчик Р. Подземные классики... С. 95. См. также: Назаревский А. А. Из истории Семинария русской филологии проф. В. Н. Перетца (В. М. Отроковский. К 80-летию со дня рождения) // Писемність Київської Русі і становлення української літератури: Збірник наукових праць. Київ, 1988. С. 272–294.

надежду на опубликование труда о Басарге. 19 сентября 1922 г. он обратился за поддержкой в ОРЯС: «Было бы большим уроном для истории древнерусской повести, если бы исследование Отроковского осталось бы лежать где-нибудь в архиве. Только академическое издание может дать место на своих страницах такой работе, далекой от интересов современности и модных увлечений исключительно новейшей литературой»²⁸⁰. Надо отметить, что 1922 год для публикаторской деятельности ОРЯС являлся не просто трудным. Положение было катастрофическим, в отчете о деятельности ОРЯС за 1922–1923 гг. отмечалось: «В Отделении лежит до 40 работ, рассмотренных и определенных к печатанию и содержащих в себе более тысячи печатных листов. Новые работы продолжают поступать постоянно, но надежды на их опубликование в ближайшем будущем почти нет никакой»²⁸¹.

Шли годы, но Перетц от своей идеи не отказывался. Когда у М. Н. Сперанского возникли планы издания древнерусских повестей, Перетц сразу же напомнил и о работах своих учеников, и о том, кого можно было бы привлечь к этому делу. Так, 21 апреля 1928 г. он писал Сперанскому: «Я мог бы предложить полезных сотрудников по изданию повестей. В моем распоряж[ении] исследования: о Басарге по известным спискам, о беседе отца с сыном и, наконец, о Щиле (Еремина²⁸²)»²⁸³. В вышедшей в следующем году книге, посвященной 20-летию Семинария Перетца, в библиографии работ Отроковского указано: «Гот. к печ. Повесть о купце Басарге и сыне его Борзосмысле»²⁸⁴. Труд И. П. Еремина удалось устроить в печать²⁸⁵, о судьбе работы Отроковского Перетц продолжал хлопоты. Так, 8 сентября 1931 г. Сперанский писал Никольскому, что Перетц сообщил ему о том, что Отроковский успел подготовить рукопись к печати, но скончался, что в настоящее время рукопись хранится в Киеве, что ее объем 12 листов, и что хорошо было бы ее издать с некоторыми добавлениями²⁸⁶.

280 СПбФ АРАН. Ф. 9. О. 1. Д. 1124. Л. 31–31 об.

281 Там же. Д. 1131. Л. 3.

282 Еремин Игорь Петрович (1904–1963) – литературовед-славист. «Повесть о посаднике Щиле» – тема его диссертации.

283 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 197 об.

284 Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. С. 56.

285 Еремин И. П. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле: (Исследования и тексты) // Труды комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 59–151.

286 СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 662. Л. 46.

Возможно, что Перетцу в конце концов удалось бы добиться публикации труда Отроковского, но через два с небольшим года ученый был приговорен к ссылке по так называемому «Делу славистов».

Дальнейшая судьба этой рукописи Отроковского нам неизвестна.

Сушицкий сам предпринял попытку опубликовать свою диссертацию²⁸⁷, но, так же как и у Отроковского, подготовленная им часть работы вышла уже после смерти ученого. Издание было снабжено примечанием от редакции: «Из-за смерти автора и из-за неблагоприятных условий печати далее раздела (IV–VIII) рукописи <...> остаются недопечатанными»²⁸⁸.

В 1927 г. была создана Комиссия древней украинской литературы Всеукраинской академии наук, которую возглавил Перетц. В состав Комиссии вошли в основном его ученики, заместителем стал С. Маслов, а ученым секретарем – Назаревский. Под эгидой Комиссии начали выходить сборники «Памятники языка и письменности древней Украины». В 1929 г. Комиссия открыла новую издательскую серию «Труды по истории письменности древней Украины», и первый том ее составило продолжение работы Сушицкого²⁸⁹. Перетц приложил немало усилий, чтобы диссертация его ученика увидела свет в завершённом виде. В материале «От редакции» Перетц отметил, что Сушицкий был участником его Семинария с осени 1907 г. Еще в 1919 г. ученый «начал печатать свой труд, предполагая постепенно довершить и проработать последние разделы. Но во время Гражданской войны он погиб от возвратного тифа, и начатый печататься труд остался незаконченным. Кроме того, в рукописи, которую сохранила вдова покойного ученого, оказались заметны, иногда немалые, пробелы»²⁹⁰. Комиссия поручила подготовить труд к печати Назаревскому, с тем чтобы он «пересмотрел заново все исследование, а также заполнил пробелы, проверил и исправил многочисленные цитаты»²⁹¹.

287 Сушицкий Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. I // Збірник Історично-філологічного відділу Української Академії наук. Київ, 1921. Вип. 2.

288 Там же. С. III.

289 Сушицкий Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. II // Праці з історії письменства давньої України. 1929. Т. 1. С. 137–404.

290 Перетц В. Від редакції // Сушицкий Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. II. С. V.

291 Там же. С. VI.

Назаревский также снабдил книгу специальным предисловием, начав его с крылатой фразы «Habent sua fata li belli»²⁹². Он отметил, что Сушицкий над своей темой «пристально и преданно работал на протяжении многих лет»; так, один из разделов был готов еще в 1912 г. Упомянул Назаревский и о том, что Шахматов предлагал опубликовать работу в «Летописи занятий Археографической комиссии», при этом он ссылаясь на письмо Сушицкого 29 марта 1917 г. жене. «Но революция и связанное с ней национальное и политическое возрождение Украины, – отметил Назаревский, – развернули перед Т. П.²⁹³ другие возможности, в том числе – напечатать любимый труд на родном для него украинском языке». Со слов вдовы Сушицкого Назаревский писал, что печатание труда «началось в Киеве в 1919 г. – в двух параллельных изданиях – украинском и русском, потому что автор хотел, чтобы его опыт могли прочитать такие специалисты, знатоки западнорусских летописей, как акад. А. Шахматов, С. Пташицкий²⁹⁴ и другие»²⁹⁵. Но смерть автора и «резкое ухудшение издательских возможностей» прервали печатание книги, и в «1921 г. Украинская академия наук выпустила в свет лишь несколько отпечатанных листов незаконченного издания. <...> Даже сама судьба рукописного оригинала труда некоторое время вызывала опасения, но впоследствии рукопись нашлась, хоть и в поврежденном виде, и до последнего времени скрывалась у жены покойного». Назаревский утверждал, что видел свою задачу в том, чтобы «реставрировать эту работу в том виде, в каком она вышла из рук автора, не делая каких-либо изменений в ее содержании и ничего не добавляя от себя». На самом же деле из перечисленных в предисловии работ, которые выполнил Назаревский, видно, как много сил он вложил в подготовку издания. Кроме общего редактирования, это и проверка всех цитат по источникам, «подысканы и вставлены летописные цитаты к тексту в тех довольно многочисленных случаях, когда в оригинале для них остались пустые места; переведен на украинский язык целый VI раздел и конец VIII-го», «пришлось полностью заново написать конец и сформулировать выводы III-го раздела, поскольку соответствующие страницы оригинала погибли

292 «Habent sua fata li belli» (лат.) – «книги имеют свою судьбу».

293 Теокист (Феокист) Петрович Сушицкий.

294 Пташицкий Станислав Львович (1853–1933) – польский историк.

295 Назаревский О. Передне слово // Сушицкий Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. II. С. VII.

(стр. 139–143 печатного текста)»²⁹⁶. Назаревский занимался и сопоставлением текстов. «На счастье, – писал он, – труд Т. П. Сушицкого сохранился хотя и в поврежденном виде, но в двух вариантах – на русском и украинском языке (кроме разд. VI и конца VIII, которые только на русском языке), и, таким образом, была возможность во многих случаях утраченные страницы одного текста пополнить параллельными страницами другого – и наоборот»²⁹⁷. Отметил Назаревский и еще одну особенность в передаче текста между частями издания: «Эволюция правописания в последние годы привела к определенному правописательному расхождению между первой (с. 1–136) и второй (с. 137–404) частями отпечатанного труда». В конце предисловия Назаревский особо подчеркнул моральный аспект в своей работе: «... на свой труд над упорядочением и приготовлением к печати опыта Т. П. Сушицкого смотрю как на естественную дань уважения к памяти безвременно умершего товарища по филологическому Семинарию акад. В. Н. Перетца, где мы когда-то вместе работали над вопросами истории древней украинской литературы»²⁹⁸.

Оба ученика Перетца проявили себя талантливыми учеными, которым многие жизненные и политические обстоятельства не позволили завершить начатые труды. Перетц, помогая им при жизни, не забыл их и после кончины. Он включил их в список учеников, которым посвятил свой «Краткий очерк методологии истории русской литературы»²⁹⁹. Перетц приложил немало усилий для публикации их трудов. К сожалению, издать работу Отроковского не удалось, и причиной тому, мы полагаем, было то, что она была написана целиком на русском языке. Опубликовать ее без перевода на Украине, где у Перетца были большие возможности, правила устава Всеукраинской АН не позволяли.

296 Там же. С. VIII.

297 Там же. С. IX.

298 Там же.

299 *Перетц В. Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. Пг., 1922.

Источники и литература

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН).

Барабаш Ю. Я. Кто вы, Виктор Петров? В. Домонтович (Петров) и его повесть «Без почвы»: всё не то, чем кажется... // Новый мир. 2012. № 8. С. 156–174.

Булкина И. «Смутной жизни тень...» Забытый поэт: между филологией и поэзией // Гефтер. Интернет-журнал. 2017. URL: <http://gefter.ru/archive/21582> (дата обращения: 10.02 2022).

Булкина И. С. «Тень неразгаданного сикофанта...» // Гефтер. Интернет-журнал. 2016. URL: <http://gefter.ru/archive/19371> (дата обращения: 16.04.2022).

Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев: Наукова думка, 1994. Кн. 1. 271 с.

Владимиров П. В. Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст. Киев: тип. В. И. Завадского, 1890. [2], 42 с.

Груздева Е. Н. Академик Борис Александрович Ларин (1893–1964). Годы учебы // Московский журнал. История государства Российского. 2019. № 3. С. 80–88.

Груздева Е. Н. Избрание в ординарные академики В. Н. Перетца (Реконструкция событий по архивным материалам) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 253–264.

Домонтович (Виктор Петров) В. Болотная Лукроза (пер. с укр., предисл. и коммент. Инны Булкиной) // Новое литературное обозрение. 2017. № 5. С. 241–267.

Еремин И. П. Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле: (Исследования и тексты) // Труды комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 59–151.

Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Иоанновны в 1733–1735 гг. Тексты / сост. В. Н. Перетц. Пг.: Тип. имп. Российской академии, 1917 (Киев: Тип. 2-й Артели печатников). VIII, 489 с.

Кантемир А. Д. Сатира I. На хулящих учения к уму своему // *Кантемир Антиох.* Собрание стихотворений. 2-е изд. Советский писатель, Л., 1956. 545 с. (Б-ка поэта. Большая серия).

Летопись Вечерних высших женских курсов, учрежденных в г. Киеве А. В. Жекулиной. Киев: тип. АО «Петр Барский в Киеве», 1914. Кн. 1. 89 с.; 1915. Кн. 2. 112 с.

Мандельштам Н. Я. Вторая книга / подгот. текста, предисл., примеч. М. К. Поливанова. М.: Моск. рабочий, 1990. 559 с.

Назаревский А. А. Из истории Семинария русской филологии проф. В. Н. Перетца (В. М. Отроковский. К 80-летию со дня рождения) // Писемність Київської Русі і становлення української літератури: Збірник наукових праць. Київ: Наукова думка, 1988. С. 272–294.

Назаревський О. Передне слово // Сушицький Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. II // Праці з історії письменства давньої України. 1929. Т. 1. С. VII–IX.

Отроковский В. М. Тарасий Земка. Южнорусский литературный деятель XVII века // Сборник ОРЯС. 1921. Т. ХСVI. № 2. 122 с.

Переводы кн. Курбского, и Цицерон / С. Д. Балухатый; (Из филол. семинария акад. В. Н. Перетца). Пг.: Тип. В. Д. Смирнова, 1916. 16 с.

Перетц В. Від редакції // Сушицький Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. II // Праці з історії письменства давньої України. 1929. Т. 1. С. V–VI.

Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. Пг.: Academia. 1922. 164 с.

Перетц В. Н. Исследования по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1982. 255 с.

Перетц В. Н. К истории текста «Повести об Акире Премудром» // ИОРЯС. 1916. Т. XXI. Кн. 1. С. 262–278.

Перетц В. Н. Отзыв о сочинении на тему «Повесть о купце Басарге // Университетские известия. Киев, 1914. № 9. С. 37–43.

Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Киев 30 мая – 10 июня 1915 года: С прил. описания древ. рукописей и старопеч. книг Киево-Выдубицкого монастыря. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1916. [2], 221, [3], 9, [2] с.

Перетц В. Н. Отчет об экскурсии Семинария русской филологии в Петрограде 30 января – 7 февраля 1915 года. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1915. [4], 44 с.

Перетц В. Н. Предисловие // Отроковский В. М. Тарасий Земка. Южнорусский литературный деятель XVII века // Сборник ОРЯС. Т. ХСVI. № 2. Пг., 1921. С. III–IV.

Попов Н. П. Иосифово Сказание об ереси жидовствующих по спискам Великих Миней // Известия ОРЯС. 1913. Т. XVIII. Кн. 1. С. 173–197.

Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. СПб., 1905. Вып. 3. 138 с.

Робинсон М. А. Научная карьера В. Н. Перетца в контексте общественно-политической жизни Киева (от первых лекций в Университете до избрания в Академию наук) // Славянский альманах. 2019. № 3–4. С. 287–328. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.2.01.

Робинсон М. А. Судьба русского киевлянина: письма С. Ю. Кулаковского А. И. Соболевскому (Революция, Гражданская война, первые годы эмиграции) // Славянский альманах. 2018. № 3–4. С. 215–246. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.3-4.2.04.

Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. Участники Семинария – своему руководителю. Л., 1929. 58 с.

Спекторский Е. В. Столетие Киевского университета св. Владимира // Alma mater. Университет Св. Володимира напередодні та в добу української революції 1917–1920. Матеріали, документи, спогади / упор. В. Ульяновський, В. Короткий: У 3-х кн. Київ., 2000. Кн. 1. С. 22–72.

Сушицкий Ф. П. Из лекций по литературе Южной и Западной Руси XV–XVIII вв., читанных на Высших веч. женских курсах в г. Киеве, в весеннем семестре 1914/5 уч. г. Очерк 1: О западно-русских летописях. Киев: тип. «С. В. Кульженко», 1915. 46 с.

Сушицький Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. I // Збірник Історично-філологічного відділу Української Академії наук. Київ. 1921. Вип. 2. I–IV, 136 с.

Сушицький Т. П. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. Ч. II // Праці з історії письменства давньої України. 1929. Т. 1. С. 137–404.

Тименчик Р. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев / ред. В. Нехотин. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017. 772 с.

Український науковий збірник / Українське наукове товариство у Києві. М., 1915. [Вип. I]. 140 с.

Фільольогічний збірник пам'яті К. Михальчука. Київ, 1915. 149 с.

Шахматов А. А. Избранная переписка: в 3 т. / Алексей Александрович Шахматов. Т. 1: Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным / [отв. ред. В. Г. Вовина-Лебедева; авт.-сост. В. Г. Вовина-Лебедева, Е. Н. Груздева, А. Е. Жуков]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018 (Studiorum slavicozum orbis; вып. 12). 943 с.

Alma mater. Университет Св. Володимира напередодні та в добу української революції 1917–1920. Матеріали, документи, спогади / упор. В. Ульяновський, В. Короткий: У 3-х кн. Київ, 2000. Кн. 1. 710 с.

References

Alma mater. Universytet Sv. Volodymyra naperedodni ta v dobu ukrains'koi revoliutsii 1917–1920. Materialy, dokumenty, spohady, ed. by V. Ul'ianovs'kyi, V. Korotkyi, in 3 vols. Vol. 1. Kyiv, 2000, 710 p.

Barabash, Iu. Ia. “Kto vy, Viktor Petrov? V. Domontovich (Petrov) i ego povest' «Bez pochvy»: vse ne to, chem kazhetsia...” *Novyi mir*, 2012, No. 8, pp. 156–174.

Bulkina, I. “«Smutnoi zhizni ten'...» Zabytyi poet: mezhdru filologijei i poeziji.” *Gefter. Internet-zhurnal*, 2017. URL: <http://gefter.ru/archive/21582> (accessed: 10.02 2022).

Bulkina, I. S. “«Ten' nerazgadannogo sikofanta...»” *Gefter. Internet-zhurnal*, 2016. URL: <http://gefter.ru/archive/19371> (accessed: 16.04.2022).

Domontovich (Viktor Petrov), V. “Bolotnaia Lukroza (per. s ukr., predisl. i koment. Inny Bulkinoi).” *Novoje literaturnoje obozrenije*, 2017, No. 5, pp. 241–267.

Eremin, I. P. “Iz istorii starinnoi russkoi povesti. Povest' o posadnike Shchile: (Issledovaniia i teksty).” *Trudy komissii po drevnerusskoi literature*. Leningrad, 1932, vol. 1, pp. 59–151.

Gruzdeva, E. N. “Akademik Boris Aleksandrovich Larin (1893–1964). Gody ucheby.” *Moskovskii zhurnal. Istoriia gosudarstva Rossiiskogo*, 2019, No. 3, pp. 80–88.

Gruzdeva, E. N. “Izbraniye v ordinarnyye akademiki V. N. Perettsa (Rekonstruktsiia sobytii po arkhivnym materialam).” *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2018, No. 1, pp. 253–264.

Kantemir, A. D. “Satira I. Na khuliashchikh ucheniia k umu svoemu.” *Kantemir Antiokh. Sobranie stikhotvoreniy*. 2nd ed. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1956, 545 p.

Mandel'shtam, N. Ia. *Vtoraia kniga*, ed. by M. K. Polivanov. Moscow: Mosk. rabochii, 1990, 559 p.

Nazarevskii, A. A. “Iz istorii Seminarii russkoi filologii prof. V. N. Perettsa (V. M. Otkrovskii. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia).” *Pysemnist' Kyivs'koi Rusi i stanovlennia ukrains'koi literatury: Zbirnyk naukovykh prats'*. Kyiv: Naukova dumka, 1988, pp. 272–294.

Nazarevskii, O. “Perednie slovo.” *Sushyts'kyi T. P. Zakhidnorus'ki litopysy iak pam'iatky literatury. Part II. Pratsi z istorii pys'menstva davnoï Ukraïny*, 1929, vol. 1, pp. VII–IX.

Peretc, V. “Vid redakcii!” *Sushyts'kyi T. P. Zakhidnorus'ki litopysy iak pam'iatky literatury. Part II. Pratsi z istorii pys'menstva davnoï Ukraïny*, 1929, vol. 1, pp. V–VI.

Peretts, V. N. *Issledovaniia po istorii starinnoi ukrainskoi literatury XVI–XVIII vekov*. Moscow; Leningrad, 1982, 255 p.

Robinson, M. A. “Nauchnaia kar'era V. N. Perettsa v kontekste obshchestvenno-politicheskoi zhizni Kieva (ot pervykh lektsii v Universitete do izbraniia v Akademiiu nauk).” *Slavianskii al'manakh*, 2019, No. 3–4, pp. 287–328. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.3-4.2.01.

Robinson, M. A. “Sud'ba russkogo kievliana: pis'ma S. Iu. Kulakovskogo A. I. Sobolevskomu (Revoliutsiia, Grazhdanskaia voina, pervyie gody emigratsii).” *Slavianskii al'manakh*, 2018, No. 3–4, pp. 215–246.

Shakhmatov, A. A. *Izbrannaia perepiska: in 3 vols. Vol. 1: Perepiska s F. F. Fortunatovym, V. N. Perettsem, V. M. Istrinym*, ed. by V. G. Vovina-Lebedeva; comp. by V. G. Vovina-Lebedeva, E. N. Gruzdeva, A. E. Zhukov. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018, 943 p.

Sushyts'kyi, T. P. “Zakhidnorus'ki litopysy jak pam'iatky literatury. P. II.” *Praci z istorii' pys'menstva davnoï Ukraïny*, 1929, Vol. 1, pp. 137–404.

Timenchik, R. *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii. Nikolai Gumilev*, ed. by V. Nekhotin. Moscow: Mosty kul'tury; Ierusalim: Geshtarim, 2017, 772 p.

Vernadskii, V. I. *Dnevniky 1917–1921. Oktiabr' 1917 – ianvar' 1920*. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka, 1994, 271 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.02

M. A. Robinson

**V. N. Peretz as an academic advisor
after moving to Petrograd and his students in Kiev**

Mikhail A. Robinson
Doctor of History, head of a centre
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: m.a.robinson@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3917-1360

Citation:

Robinson M. A. V. N. Peretz as an academic advisor after moving to Petrograd and his students in Kiev // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 279–334 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.02

Received: 10.08.2022.

Abstract

In the article, based on the letters to V. N. Peretz, stored in his archive, the nature of his relationship with students is revealed. The intrigues of

political ill-wishers did not allow Peretz to transfer part of the Kyiv students to Petrograd, where he was supposed to move after being elected to the Academy of Sciences. However, thanks to active correspondence with V. M. Otkrovsky and F. P. Sushitsky, he continued to be aware of their academic activities. Letters from students give an idea of how Peretz continued to direct their work, what he advised or criticized, how he helped organize through the Department of the Russian Language and Literature of the Academy of Sciences and the Member of the Academy A. A. Shakhmatov supply of academic literature and means for business trips. Letters from both students testify to how responsibly they treated the teacher's assignments, which were mainly related to monitoring the publication in Kyiv of "Reports" on the scientific expeditions of the Seminary. Peretz was also interested in the pedagogical work of the students, especially since it was associated with the women's gymnasium and the Higher Women's Evening Courses of A. V. Zhekulina, where he himself taught and organized the release of two issues of the "Chronicle" informing about the activities of Courses. Both of his students died during the Civil War, before they could finish their main academic research. Peretz managed to publish the end of Sushitsky's dissertation in Ukraine. The translation of Otkrovsky's work into Ukrainian was not made, and its publication in Ukraine turned out to be impossible. The fate of his extensive work on the 17th century novel "About the merchant Basarga and his son Borzosmysl" remains unknown until now.

Keywords

Correspondence, V. N. Peretz, V. M. Otkrovsky, F. P. Sushitsky, A. V. Zhekulina, Ukraine.

УДК 94(430).062
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.01

Г. С. Рагозин

«Средневековье на службе Империи»: образы чешской, венгерской и польской истории в сочинениях Франца Грильпарцера (1825–1830 гг.)

Рагозин Герман Сергеевич
Кандидат исторических наук, доцент
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова
163000, пр. Ломоносова, 2, Архангельск, Российская Федерация
E-mail: gragozin92@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8695-4096

Цитирование:

Рагозин Г. С. «Средневековье на службе Империи»: образы чешской, венгерской и польской истории в сочинениях Франца Грильпарцера (1825–1830 гг.) // *Славянский альманах*. 2022. № 3–4. С. 335–355. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.4.01

Статья поступила в редакцию 30.06.2022.

Аннотация

Статья посвящена образам негерманских народов Австрийской империи в художественной литературе эпохи романтизма. Автор анализирует некоторые сюжеты из творчества австрийского писателя и драматурга Франца Грильпарцера, который обращался к истории Чехии, Венгрии и Польши Средних веков и раннего Нового времени. В центре внимания – драмы «Величие и крах короля Оттокара» и «Верный слуга своего господина», а также рассказ «Сандомирский монастырь», которые сыграли большую роль в формировании картины прошлого негерманских владений династии для ее подданных. Особенности репрезентации чехов, венгров и поляков были обусловлены, как показывает автор, господством романтизма и медиевализма в общественной и политической жизни Европы и державы Габсбургов. Интерес к эпохе Средневековья был типичен и для национальных движений, и для официальной историографии. Грильпарцер продвигал ее тезисы с позиций австрийского консерватизма, и поэтому его сочинения работали на цементирование габсбургского мифа и «органического устройства» государства. Автор приходит к заключению, что обращение Ф. Грильпарцера к сюжетам